

ГЛАВА II

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА ПЛЕХАНОВА

1. Против мещанского индивидуализма и декадентства

Критическая деятельность Плеханова — за вычетом статей о народнической литературе 70—80-х годов — развернулась в основном в девятисотые годы. В этот период получила вторую жизнь серия статей «Наши беллетристы-народники», впервые опубликованная в полном виде в сборнике «За двадцать лет». Характерная для этой серии проблематика разрабатывается Плехановым в рецензии на роман фон Поленца «Крестьянин» (1902) и в статье «Н. А. Некрасов» (1903)¹³⁴. В то же время одна за другой выходят работы, связанные с животрепещущими проблемами современности: «Генрик Ибсен» (1906), «К психологии рабочего движения» (1907), «Сын доктора Стокмана» (1910), цикл статей о Льве Толстом, «О том, что есть в романе «То, чего не было» (1913). Литературная критика Плеханова становится заметным фактором литературно-общественной борьбы начала XX века; почти каждая статья вызывает многочисленные отклики в тогдашней журнальной и газетной прессе. Сборник «За двадцать лет», в короткий срок выдержавший три издания, привлек внимание многих исследователей, критиков и рецензентов в первую очередь статьями литературно-критического отдела¹³⁵. Большой резонанс имела брошюра «Генрик Ибсен» и некоторые другие работы Плеханова. В значительной мере это объяснялось всегдашней актуальностью плехановских выступлений.

Одно из основных направлений критико-публицистической деятельности Плеханова 900-х годов — борьба против мещан-

¹³⁴ См. Т. Д. Фролова, Некрасов в оценке Плеханова. — Сб. «Русская литература и освободительное движение», Казань, 1968, стр. 102—126.

¹³⁵ Двум рецензентам Плеханов отвечал в предисловиях ко 2-му и 3-му изданиям сборника. Это Н. Валентиков («Правда», 1905, № 7) и К. Чуковский («Весь», 1906, № 2). Их имена, не названные Плехановым, в исследовательской литературе до сих пор считались не установленными.

ского индивидуализма в литературе и против декадентства, как наиболее распространенной и опасной его разновидности. Борьба с этими формами литературной реакции была насущной задачей марксистской критики и публицистики начала века. Достаточно напомнить такие замечательные документы этой борьбы, как статьи Ленина «Партийная организация и партийная литература» (1905) и «Победа кадетов и задачи рабочей партии» (1906), горьковские «Заметки о мещанстве» (1905), работы Воровского («Мятущиеся» и «мечущиеся», 1906; «О буржуазности модернистов», 1908) и Луначарского («Ибсен и мещанство», 1907; «Мещанство и индивидуализм», 1909).

Плеханов преследовал мещанский, или — что для него было то же самое — буржуазный индивидуализм и в своей публицистике, и в критических статьях о современной литературе, русской и западноевропейской. В обоих случаях главным объектом его критики была та разновидность мещанского индивидуализма, которая выступала под флагом «антимещанства» и «антибуржуазности».

Первой крупной работой, где Плеханов затронул вопрос об индивидуализме буржуазной окраски, была статья «Генрик Ибсен». По методу анализа, проблематике и структуре это типично плехановская статья. Она давала новаторское решение проблемы Ибсена — одной из самых злободневных в русской и европейской литературной жизни начала XX века. Высоко ценя нравственную тревогу писателя, его этический максимализм и критический дух его творчества, Плеханов одновременно указывал на уязвимое место Ибсена — на отсутствие более или менее определенной позитивной программы и определенного ответа на вопрос о цели проповедуемого им «бунта человеческого духа». В художественный строй произведений Ибсена этот категорический, но бессодержательный нравственный императив (напоминающий в этом отношении кантовский, XIV, 196) внёс черты отвлеченности, схематизма и символического. (Впрочем, символизм Ибсена Плеханов оценил несколько односторонне, лишь как свидетельство смутности представлений писателя о путях общественного развития; однако с тем же символизмом в значительной мере связана философская глубина и обобщенность ибсеновской драматургии). Среди характеристик, даваемых Ибсену русскими критиками, — амплитуда оценок колебалась здесь от «Прометей символизма» (Эллис) до «Иеремии мещанства» (Луначарский) — плехановский анализ выделялся объективностью и реалистичностью.

В статье была одна грань, прямо обращенная к проблеме мещанского индивидуализма. Плеханов обнаружил двойст-

венный характер того «бунта» ради «бунта», по пути которого идут ибсеновские герои-индивидуалисты. Их гордый индивидуализм, их протест против мещанской «толпы» и мещанского «большинства» — вещи сами по себе прекрасные, но нередко даже у самых лучших из них имеют антидемократический привкус. Доктор Стокман из драмы «Враг народа» — это, по характеристике Плеханова, «умственный аристократ», который если не действует, то говорит иной раз, «сам того не желая и не замечая, как враг народа, как защитник политической реакции» (XIV, 207). Его речи, в которых он громит «толпу», направлены не только против буржуазного филистерства, но и против демократии, и являют собою своеобразный вариант теории героев и толпы. У доктора Стокмана эта теория — заблуждение наивного, далекого от политики человека, идеалиста и в философском, и в житейском смысле слова. Но чаще всего она является оружием в руках подлинных врагов демократии. В позднее написанной статье «Сын доктора Стокмана» Плеханов подробно разобрал образ такого настоящего врага народа, реакционера чистой воды — кандидата философии Ивана Карено из пьесы Кнута Гамсуна «У царских врат». Карено, как и доктор Стокман, исходит из теории героев и толпы и приходит к человеконенавистнической мысли о необходимости истребить рабочих. Бунт доктора Стокмана направлен преимущественно против мещанского «большинства», но уже и его индивидуализм окрашен слегка в цвета того же самого мещанства; бунт его духовного сына Карено направлен в основном против демократического «большинства», против рабочих, и его индивидуализм имеет уже вполне буржуазный, мещанский характер. Индивидуалистический протест против буржуазных нравов и буржуазной морали, поскольку он не затрагивает социальных основ буржуазного общества и не выходит за пределы «бунта человеческого духа», в лучшем случае бессодержателен. Обыкновенно же его содержание — не столько антимещанство, сколько антидемократизм, то есть те же мещанство и буржуазность. Такова логика мещанского индивидуализма. «Нищиеанцы считают себя непримиримыми врагами мещанства. А на самом деле они насквозь пропитаны его духом» (XIV, 258) — таким выводом заканчивал Плеханов статью «Сын доктора Стокмана».

По Плеханову, ибсеновский индивидуализм заключает в себе два начала и может — в зависимости от конкретных исторических условий — объективно играть и прогрессивную, и реакционную роль. Он может выступать и как принцип самоутверждения личности в борьбе с буржуазным «сплоченным (конформистским, как сказали бы мы сейчас) большин-

ством», и как принцип духовного аристократизма, направленный против философии и практики демократического коллективизма. В первом случае дух Ибсена оказывается близким к «духу великих революционеров» (XIV, 216), во втором — к духу нищезанятия¹³⁶. «Ибсен,— заключает Плеханов,— представляет собой парадоксальный пример художника, едва ли не в одинаковой мере, хотя и по противоположным причинам, заслуживающего симпатии «мыслящих кругов» двух великих, непримиримо враждебных друг другу классов современного общества»¹³⁷.

Трезвая и во многом справедливая критика индивидуализма Ибсена и его героев, постановка серьезных моральных и социальных проблем, критическая методология Плеханова, который связал особенности содержания и формы ибсеновских драм с характером окружающей писателя общественной среды — все это сделало статью «Генрик Ибсен» крупным литературным событием, вызвало вокруг нее жаркую полемику¹³⁸.

В статьях о Генрике Ибсене и Кнуте Гамсуне на материале скандинавской литературы критик-марксист освещал проблемы, имевшие прямое отношение к русской действительности, к идейной борьбе революционной и послереволюционной эпохи. Вопросы об индивидуализме, мещанстве и особенно антимещанстве, подлинном и мнимом, были существенными ее моментами. К ним Плеханов обращался в целом ряде своих работ.

¹³⁶ См. письмо Плеханова к И. Аксельрод от 26 августа 1906 года. АДП, № 12815, ед. хр. А. 93. 6, л. 1 об (фотокопия).

¹³⁷ Литературное наследие Г. В. Плеханова, сб. VI, стр. 371. В России Ибсен по-разному воспринимался до и после революции 1905 года: «Доктор Штокман» в знаменитой постановке МХТ (1900) был восторженно встречен демократическим зрителем, а «Брандт» в постановке того же театра (1906) удовлетворил даже реакционеров (см. отзыв религиозного еженедельника «Век», 1907, № 3, стр. 42—43). Интересны в этом плане воспоминания М. Неведомского (в кн.: Общественное движение в России в начале XX века, т. I, СПб., 1909, стр. 512 и след.).

Вот как трактовал революционность Ибсена один из критиков в 1906 году: «Многие из приведенных сейчас речей (Штокмана—Н. Г.) звучат реакционно, но идея Ибсена, наоборот, революционна, каково в сущности и учение Ницше. Несомненно, что толпа всегда только твердит зады, а человечество движется идеями и открытиями, которые вырабатываются избранными умами» (Л. Полонский, Генрик Ибсен.— «Вестник Европы», 1906, № 8, стр. 750).

¹³⁸ Противоположные оценки статье дали, с одной стороны — А. Луначарский («Образование», 1907, № 5), Н. Абрамович («Современный мир», 1906, № 11), рецензент «Русской мысли» (1906, № 11), с другой — В. Эрн («Век», 1907, № 1), А. Редько («Русское богатство», 1906, № 11), Р. Иванов-Разумник, П. Пильский. На статью откликнулись В. Львов, М. Неведомский и др.

В общей форме эти вопросы были поставлены и решены Плехановым в предисловии к третьему изданию сборника «За двадцать лет», написанном в 1908 году. «Есть «антимещанство» и «антимещанство»,— говорил он здесь.— Есть такие «антимещане», которые более или менее легко мирятся с эксплуатацией массы («толпы») буржуазией, но никак не хотят мириться с недостатками буржуазного характера, обусловленными в конце концов той же эксплуатацией. Есть другое «антимещанство», не закрывающее, конечно, глаз на дурные стороны буржуазного характера, но прекрасно понимающее, что они могут быть устранены только посредством устранения тех производственных отношений, которыми они обуславливаются» (XIV, 187). Отметив, что каждый из этих двух видов «антимещанства» находит свое выражение в литературе, Плеханов коснулся полемики вокруг горьковских «Заметок о мещанстве» и отнес М. Горького к числу настоящих противников мещанства¹³⁹, а к мнимым «антимещанам» отнес тех, кто смешивал социализм с мещанством.

В статьях «Идеология мещанина нашего времени» (1908)¹⁴⁰ и «Евангелие от декадана» (1909), разбирая взгляды «антимещан» этого рода (Иванова-Разумника, Мережковского и Минского), Плеханов ясно показал мещанскую природу их протеста против «буржуазности» и «мещанства». Главное в их позиции — даже не критика современной мещански-буржуазной толпы, а ненависть к демократии, к рабочему движению, к социалистическим стремлениям и идеалам пролетариата, которые облыжно именуются ими «религией умеренной мещанской сытости». И чем больше такой «антимещанин» восстает против мещанства, «тем более его собственное якобы антимещанство обнаруживает себя как идеологию обреченного и «критически-мыслящего» мещанина нашего времени» (XIV, 285).

¹³⁹ Незадолго до этого Плеханов отметил, с одной стороны, горьковскую критику «сверхчеловеков» в пьесе «Дети солнца», а с другой — горьковское изображение рабочего движения как высоко нравственного по своим стремлениям и идеалам. См. об этом ниже, в разделе о Горьком.

¹⁴⁰ Написана по поводу 2-го издания книги Иванова-Разумника «История русской общественной мысли», имевшей подзаголовок «Индивидуализм и мещанство в русской литературе и жизни XIX в.». Понятия эти рассматривались автором как противоположные, взаимоисключающие. О необходимости выступить против Иванова-Разумника Плеханову писал (в конце 1907 года) от имени редакции «Современного мира» Н. Иорданский: «Этот господин лезет теперь в Магометы неосубъективизма и при современной смуте, при богатстве фактических сведений книга имеет громадное влияние. Серьезной критики эта книга до сих пор не встретила, и мы полагаем, что только Вы сможете по достоинству оценить эту работу» (АДП, № 4146, ед. хр., В. 188. 77, л. 1).

Тем, кто обвинял рабочих в стремлении к «мещанской сытости», Плеханов отвечал: «Это старая песня. Каждый раз, когда «голодный пролетарий» предъявляет известные экономические требования сытому буржуа, этот последний обвиняет его в грубом материализме. Буржуа не понимает и не может понять в своей сытой ограниченности, что для голодного пролетария осуществление его экономических требований равносильно обеспечению для него возможности удовлетворить по крайней мере некоторые из своих духовных потребностей. Не представляет он себе и того, что борьба за осуществление этих экономических требований может вызывать и воспитывать в душе голодного пролетария благороднейшие чувства мужества, человеческого достоинства, самоотвержения, преданности общему делу и т. д. и т. д. Буржуа судит по себе» (XVII, 285—286). На буржуазной точке зрения стоят Ивановы-Разумники, Минские и Мережковские, которые воображают себя ненавистниками сытого «мещанства». При внимательном отношении к делу освободительное движение рабочих оказывается стремлением не к мещанству, а от мещанства к свободной жизни, к «художественной человечности» (XIV, 174).

Под углом зрения борьбы с мещанским индивидуализмом Плеханов рассматривал в своих работах декадентское искусство. Борьбу «со всякими декадентскими течениями, которые проникают теперь в литературу, деморализуя читателя»¹⁴¹, он считал в годы реакции особенно важной. Писатели-декаденты были в его глазах «типичнейшими представителями самых дурных сторон буржуазного индивидуализма» (XV, 132), а декадентство — порождением и проявлением буржуазного духа, особенно укрепившегося в литературе в послереволюционную эпоху и «принимающего подчас дико романтические и даже просто-напросто уродливые формы, но всем этим немало не изменяющего своей истинной природы» (XIX, 142). «Эпоха эта, можно сказать, — писал он о годах реакции, — насквозь пропитана буржуазностью, которая «отдает» и от её прозы, и от её религии, и от её философии, и от её публицистики, и от её «взвинченного эстетизма» (XIX, 141).

В своей критике и публицистике Плеханов затронул вопросы, связанные с социальной природой русского декадентства, подверг критике его философию, эстетику и художественную практику.

В октябре 1905 года вышел в свет под псевдонимом Бельтов первым изданием сборник «За двадцать лет». В двух

¹⁴¹ Социал-демократическое движение в России, т. I, Госиздат, М.—Л., 1928, стр. 173.

статьях сборника, написанных еще в 1897 году, Плеханов выступал в защиту критической школы Белинского и Чернышевского, резко полемизируя с декадентом Волынским и народником Скабичевским, которого он тоже отнёс к числу «декадентов, вообразивших себя столпами прогресса».

Это обстоятельство, а также то, что Плеханов подходил к анализу и оценке литературных явлений с марксистских позиций, вызвало негодующий протест со стороны декадентского журнала «Весы». На страницах этого журнала К. Чуковский поместил статью «Циферблат г. Бельтова», представлявшую собой выпад против критического метода Плеханова (именовавшегося в ней «марксометром») и апологию русского декадентства. «В искусстве, — писал Чуковский, — важно не что, а как... А как у декадентов всегда было боевым, всегда было противомещанским, всегда было на благо и на потребу других врагов мещанства, врагов социальных или политических». На этом основании рецензент утверждал далее, что «все эти Бальмонты да Брюсовы являются и всегда являлись идеологами русского пролетариата, идеологами всего, что есть самого боевого, передового, непримиримого на Руси». В доказательство Чуковский ссылался, между прочим, на сочувственное отношение этих и других поэтов-декадентов к русской революции¹⁴².

В предисловии к третьему изданию сборника Плеханов, отвечая Чуковскому в связи с его нападками на критический метод, затронул и вопрос о социальной природе русского декадентства, о его отношении к пролетарскому движению и т. п. Затем он еще дважды возвращался к этому вопросу в статьях «Евангелие от декаданса» и «Искусство и общественная жизнь», уже безотносительно к рецензии на его сборник.

Дело в том, что те взгляды на сущность русского декадентства (будто бы революционную и уж во всяком случае антибуржуазную, антимещанскую), которые развивал Чуковский, были в большом ходу и среди самих декадентов, и среди их почитателей. Их полностью разделял, в частности, Н. Минский, суждения которого Плеханов критикует в статье «Евангелие от декаданса». Будто повторяя рецензента «Весов», Минский писал о том, что «всё символическое движение было не чем иным, как порывом к свободе, что «союз между символизмом и революцией — явление внутренне необходимое» и что именно поэтому «все без исключения представители новых настроений: Бальмонт, Сологуб, Брюсов, Мережковский, А. Белый, Блок, В. Иванов — оказались левцами

¹⁴² «Весы», 1906, № 2, стр. 47—50.

в стане русской революции»¹⁴³. В качестве сторонника такой революции, перед которой должна побледнеть от ужаса прозаическая и мещанская Западная Европа (XVII, 273), избражал себя и своих декадентских единомышленников Д. Мережковский¹⁴⁴.

Плеханов, разбирая доводы Минского, отмечал, что если сам факт сочувствия поэтов-декадентов первой революции в России указан верно, то объяснение его никуда не годится. Проводя в этой и других статьях параллель между отношением французских поэтов школы «чистого искусства» (Бодлера прежде всего) к революции 1848 года и отношением русских декадентов к революционным событиям 1905—1907 гг., Плеханов находит там и здесь большое сходство. Подобно Бодлеру, русские символисты, выступавшие до 1905 года с лозунгами «чистого искусства», под влиянием революционной бури обнаружили интерес к общественной жизни. Но этот интерес и сочувствие не были глубокими. По мнению Плеханова, это была скорее дань настроениям времени, чем проявление вытекающей якобы из природы символизма революционности поэтов-декадентов. Хотя последние и схватились во время грозы 1905 года за «революционную лиру», она «издавала в их, непривычных к ней, руках не весьма гармоничные звуки» (XVII, 295). «Я не беру на себя роли пророка,— заключал Плеханов,— я не хочу предсказывать, что наши декадентские «певцы в стане русской революции» пройдут все зигзаги того пути, по которому проследовал в свое время Бодлер. Но что они уже оставили за собою немало зигзагов, это они прекрасно знают и сами» (XVII, 295).

При всей суммарности и отсутствии дифференциации вывод Плеханова относительно причин и меры революционности поэтов-декадентов оказался правильным. Он вскоре подтвердился жизнью: за исключением Блока, который от событий 1905 года начал свой трудный и сложный путь к «Двенадцати», все другие поэты-декаденты (в их числе Минский и Бальмонт, которых в первую очередь имел в виду Плеханов) в годы реакции довольно быстро и резко повернули вправо,— еще быстрее и резче, чем это сделал в свое время Бодлер¹⁴⁵.

Самый факт воздействия 1848 года на Бодлера и 1905 года на русских символистов Плеханов справедливо расценивал как проявление силы и мощи самой революции, могучий ветер

которой вырвал из келий «чистого искусства» самых закоренелых его сторонников¹⁴⁶.

Что касается социальной природы символизма и шире— декадентства, то Плеханов определял её следующим образом. По его мнению, «новейшее» искусство— порождение капитализма, который вступил в нисходящую фазу своего исторического бытия и, задерживая дальнейшее развитие производительных сил, «является тормозом и в области художественного творчества»¹⁴⁷. Оно, это искусство, «характеризует собою упадок целой системы общественных отношений и потому очень удачно называется декадентским» (XIV, 163).

Была, правда, у Плеханова на этот счет одна оговорка: он полагал, что появление русского декадентства можно объяснить скорее влиянием западноевропейских литератур, чем загниванием русского капитализма, с его точки зрения, еще сравнительно молодого и далекого от упадка. В этом смысле возникновение русского декадентства, по его мнению, не столько отражает, сколько «упреждает ход нашего собственного общественного развития» (XIV, 163). Однако с этим ошибочным положением, вызванным преувеличенным мнением Плеханова о прочности русского капитализма, соединяется у него правильная мысль об общности социальной природы русского и западноевропейского декаданса. «Но если возникновение декадентства не может быть в достаточной мере объяснено нашими, так сказать, домашними причинами,— замечает он,— то это нисколько не изменяет его природы. Занесенное к нам с Запада, оно и у нас не перестает быть тем, чем было у себя дома: порождением «бледной немочи», сопровождающей упадок класса, господствующего теперь в Западной Европе» (XIV, 164). В первую очередь критик-марксист имел здесь в виду русский символизм, его общедекадентские черты.

Суждения Плеханова противостояли, во-первых, всякого рода психиатрическим интерпретациям декадентства в духе Макса Нордау, которым отдали дань не только эстетики и критики от медицины¹⁴⁸, но и некоторые социал-демокра-

¹⁴⁶ В качестве иллюстрации к тому, что Плеханов говорил о силе революции и слабости поэтов-декадентов, можно привести воспоминания А. Белого: «...С осени 1905 года и я, и Брюсов, и Эллис, и Петровский, и все, меня окружавшие, вдруг понеслись влево... сочувствия мои стихийно развивались в сторону социал-демократов... Я левел не по дням, а по часам» (А. Белый, Начало века, Гослитиздат, М.—Л. 1933, стр. 415—421).

¹⁴⁷ Литературное наследие Г. В. Плеханова, сб. VI, стр. 371.

¹⁴⁸ См. И. Гофштеттер, Поэзия вырождения. Философские и психологические мотивы декадентства, СПб., 1902; Н. Баженов, Психиатрические беседы на литературные и общественные темы, М., 1903; Ф. Рыбаков, Современные писатели и больные нервы, М., 1908 и др.

¹⁴³ Н. Минский, На общественные темы, СПб., 1909, стр. 194—195.

¹⁴⁴ См. Д. С. Мережковский, Полн. собр. соч., т. XIII, М., 1914, стр. 162—165.

¹⁴⁵ Б. Мейлах, Символисты в 1905 году.— Литературное наследство, М., т. 27—28, М., 1937, стр. 167—198; Вл. Орлов, На рубеже двух веков.— «Вопросы литературы», 1966, № 10, стр. 121—122.

ты¹⁴⁹, и, во-вторых, концепции Мережковского, Иванова-Разумника и других, согласно которой русское декадентство «есть нечто родное, народное, русское — не извне, а изнутри идущее, не из Западной Европы, а из глубины, из самых кровных материнских недр русской земли»¹⁵⁰.

Развивая тезис «о буржуазности модернистов», выступающих под флагом «антимещанства», Плеханов указывал, что характернейшая черта современного буржуазного сознания — индивидуализм является глубинной философией жизни декадентства. «Нам приходится держаться за единственную реальность, за наше «я», — приводил он слова Мориса Барреса, одного из апостолов индивидуализма, и находил подобную же философию в стихах З. Гиппиус и К. Бальмонта¹⁵¹, в литературно-философских эссе Д. Мережковского и Н. Минского, в повестях и драмах Л. Андреева¹⁵².

Плеханов уподобляет поэтов-декадентов, которые «любят себя, как бога», и для которых все поле зрения закрыто их драгоценным «я», лейбницеvской монаде, «не имеющей окон наружу». Для такой монады естественно хвататься за вопрос о своем личном бессмертии как за чуть ли не главный вопрос бытия. «Наши тонкие и возвышенные господа декаденты, — говорил он, — потому и видят в вопросе о личном бессмертии основной вопрос бытия, что они — индивидуалисты до конца ногтей» (XVII, 304). Таковыми являются они и там, где касаются вопроса о смысле жизни. Они решают его по-разному (так, Сологуб смысл жизни видит в смерти, Леонид Андреев — в бессмысленности и т. п.), но в одинаково индивидуалистическом духе (XVII, 344—346).

На почве буржуазного индивидуализма, составляющего душу декадентской литературы, пышным цветом вырастает мистика и склонность к иррациональному (жажда «чуда» у З. Гиппиус, «чорт» Мережковского, «дуада» Минского, земля «Ойле» Сологуба и т. п.), возникает проблема бога.

¹⁴⁹ Например, Ю. Стеглов в статье «Социально-политические условия литературного распада» опирался на выводы книги Нордау «Выврождение» («Литературный распад», кн. 1, СПб., 1908, стр. 20). Плеханов критически оценивал как сборник «Литературный распад» (и именно в части неумения его авторов находить социальную подоплеку литературных явлений, XIV, 190), так и книгу Нордау (БДП, А. 1412, пометы на обложке к стр. 181, 183 и др.).

¹⁵⁰ Д. С. Мережковский, Полн. собр. соч., т. IX, СПб. — М., 1912, стр. 250.

¹⁵¹ «Бальмонт в сонете «Лунный свет»: чужда мне вся земля с борьбой своей», — записывает Плеханов в одной из тетрадей (АДП, № 5630, ед. хр. т. 114, л. 17).

¹⁵² См. Г. П. Семенова, Г. В. Плеханов о творчестве Леонида Андреева. — «Русская литература», 1970, № 3.

Одним декадентам (Мережковский, Минский) постановка этой проблемы позволяет выставить себя защитниками высших духовных и нравственных ценностей от «мещанского позитивизма», этой религии социализма, якобы игнорирующей вечные вопросы бытия. У других вопрос о боге возникает как средство сбросить бремя индивидуализма, выйти за пределы индивидуалистического существования (З. Гиппиус).

Плеханов показал ложность идеи первых о неразрывности религии и нравственности, убедительно раскрыл несостоятельность знаменитой формулы: «если бога нет, то все позволено» (XVII, 278)¹⁵³. С другой стороны, комментируя предисловие З. Гиппиус к её «Собранию стихов», где содержались жалобы на одиночество и на отсутствие «общего бога»¹⁵⁴, Плеханов писал: «Почему же «наши стихи», «живые для каждого из нас», никому не нужны и никому не понятны? Да просто потому, что они порождение крайнего индивидуализма... Измученные духовным одиночеством, индивидуалисты обращаются к небу, ищут «общего бога». Они надеются, что придуманный ими «общий бог» вылечит их от их застарелой болезни — индивидуализма. Выдыбай, боже! Тщетный призыв! Против индивидуализма не растет никакого зелья на небе. Печальный плод земной жизни людей, он исчезнет лишь тогда, когда взаимные (земные) отношения людей не будут более выражаться принципом: «человек человеку — волк» (XVII, 304).

Настроения, которые выражают декаденты, предрасполагают их к идеализму и притом к самой слабой его разновидности, к субъективному идеализму. Индивидуализм и субъективный идеализм образуют не только социально-этическую, но и эстетическую основу декадентского искусства. «Субъективный идеализм, — пишет Плеханов, — всегда опирался на ту мысль, что нет никакой другой реальности, кроме нашего «я». Но понадобился весь беспредельный индивидуализм эпохи упадка буржуазии для того, чтобы оделать из этой мысли не только эгоистическое правило, определяющее взаимные отно-

¹⁵³ В рецензии на книгу Иванова-Разумника Плеханов отвергал и восходящую к Достоевскому постановку вопроса о смысле жизни: «какое счастье завтра вознаградит за слезу, пролитую безвозмездно вчера?»

«Так ставить вопрос о смысле жизни, — писал он, — по меньшей мере не имеет смысла, хотя это и делал Достоевский. Когда мы говорим о смысле жизни, речь идет не о воскрешении мертвых, а об устройении живых согласно возможностям в будущем» (XVII, 346).

¹⁵⁴ «Пока мы не найдем общего Бога, или хотя не поймем, что стремимся все к нему, единственному, до тех пор наши молитвы, — наши стихи, — будут непонятны и не нужны ни для кого» (З. Н. Гиппиус, Собрание стихов, 1889—1903, кн-во «Скорпион», М., 1904, стр. VI).

шения между людьми, каждый из которых «любит себя, как бога», — буржуазия никогда не отличалась избытком альтруизма, — но также и теоретическую основу новой эстетики» (XIV, 170).

С индивидуализмом декадентов Плеханов связывает и их эстетический формализм. Отсутствие широких и значительных идей, равнодушие, вольное или вынужденное, к идейному содержанию своих произведений «удесятерять их заботу о форме»¹⁵⁵, заставляет их «изобретать неслыханные звуки, выдумывать неведомый язык». «Им хочется сказать что-то новое, — говорит Плеханов об этом псевдоноваторстве, — но сказать им нечего; поэтому они прибегают к художественным парадоксам» (XIV, 79). Однако недостаток серьезных идей и чувств не может быть возмещен ни талантом, ни формальными успехами писателей-декадентов. Так, по мнению Плеханова, Мережковский — «очень талантливый художник; но легко видеть, что, например, его последний роман («Александр I») непоправимо испорчен его религиозной манией, которая, в свою очередь, есть явление, свойственное эпохе упадка» (XIV, 181). По мысли Плеханова, разрушение содержания приводит к разрушению формы. Приводя в своих записях суждение Г. Ландсберга: «В поэзии важно не «что», а «как», он замечал: «Преобладание формы над содержанием: бессодержательность и уродство, ибо красота есть соответствие формы содержанию»¹⁵⁶. «Литературный упадок, — пишет он в другом месте, — всегда выражается, между прочим, в том, что формой начинают дорожить гораздо более, нежели содержанием. Но содержание так тесно связано с формой, что пренебрежение к нему быстро ведет за собою сначала утрату красоты, а потом и полное уродство формы. Для примера укажу на декадентство и футуризм в литературе и еще, пожалуй, на кубизм в живописи» (XXI, 209). Как бы в ответ на стилистические ухищрения декадентов Плеханов напоминает мысль Бальзака: «Стиль есть результат идей, а не слов».

Искусству декаданта, разъедаемому ядами индивидуализма и формализма, Плеханов противопоставлял традиции русской классической литературы, великой не только своим художественным совершенством, но и постановкой глубочайших вопросов социального и индивидуального бытия. «Я не поклонник нынешнего «красивого направления», — говорил он. — Теперь очень стараются о внешности произведения. Это разумеется, нужно, против этого я не возражаю, но плохо, когда всё внима-

¹⁵⁵ Литературное наследие Г. В. Плеханова, сб. III, стр. 206.

¹⁵⁶ Там же, стр. 207.

ние писателя устремлено на внешность, в ущерб содержанию. Русская литература имеет свои особые пути развития, и в этом развитии содержание играет огромную роль. Им определяется традиция. Вне традиции нет искусства как прекрасного, животворящего начала»¹⁵⁷.

2. Статьи о Горьком и Толстом. Последнее выступление Плеханова-критика

1.

Живым воплощением тех великих традиций, о которых говорил Плеханов, был в русской литературе начала XX века Лев Толстой, их преемником и продолжателем — Максим Горький. Деятельность этих двух замечательных художников и мыслителей, один из которых был идеологом старой, деревенской России и завершал литературу классического реализма, а другой явился выразителем идей революционного пролетариата и зачинателем социалистического реализма, находилась в центре литературно-общественного движения и борьбы 900-х годов. Марксистская критика и публицистика, возглавляемая В. И. Лениным, широко освещала проблемы творчества и мировоззрения Горького и Толстого, боролась за их правильное понимание с критикой реакционного и либерально-буржуазного толка.

Эти же задачи ставил и Плеханов в своих статьях о Горьком и Толстом, составляющих значительную и ценную часть его критического наследия.

Среди плехановских откликов на творчество Горького¹⁵⁸

¹⁵⁷ «Нива», 1918, № 29, стр. 459. Продолжая эту мысль, Плеханов вслед за Толстым называл декадентское искусство «грациозной ненужностью» и говорил: «Разве можно «Илиаду» читать ради развлечения? Или «Войну и мир»? Или «Преступление и наказание»? Читая таких классиков, мы выносим что-то для себя драгоценное, духовный опыт. Конечно, благодаря форме произведения, конечно. Но, говоря о Толстом, например, смешно говорить только о форме, не касаясь тех вопросов, какие выведены им... Вот интересная и глубокая тема: проследить эволюцию нашей литературы со стороны содержания. Кто из нынешних писателей может пройти через такую «пробирную палатку», не потеряв своего лица? Двое, трое. Остальные сливаются» (там же).

¹⁵⁸ Им посвящены в последние годы работы: Г. П. Семенова, Г. В. Плеханов и М. Горький. — «Русская литература», 1967, № 3, И. З. Баскевич, Из истории отношений писателя и критика (А. М. Горький и Г. В. Плеханов), Уч. зап. Горьковского гос. пед. ин-та, вып. Ii0, серия филологич. наук, 1968; О. Семеновский, Марксистская критика о Горьком, «Карта молдовеняскэ», Кишинев, 1969. Общий недостаток этих исследований, ценных использованием архивных и малоизученных данных, — неполнота привлекаемого для анализа материала.

выделяется — по глубине содержания и значению в литературной борьбе — статья «К психологии рабочего движения». Она содержала первую в марксистской критике развернутую оценку драмы «Враги» и сыграла существенную роль в борьбе против реакционной легенды о «конце Горького». В то же время статья эта — типичный образчик литературной критики Плеханова, ориентированной главным образом на освещение социально-психологического содержания художественного произведения. Критический метод Плеханова позволил ему раскрыть такие стороны содержания горьковской драмы, мимо которых, как слепые, прошли многочисленные противники писателя, твердившие о мнимом закате его таланта.

За месяц до появления работы Плеханова (в журнале «Современный мир», май 1907 года) Д. Философов поместил на страницах «Русской мысли» статью «Конец Горького», положившую начало одному из самых шумных и разнузданных походов реакционной прессы против пролетарского писателя. Философов утверждал здесь, будто последние произведения Горького (в том числе и «Враги»), в которых художник перешел от мотивов общечеловеческих к партийным и сделался пропагандистом социалистических идей, свидетельствуют о падении его литературного дарования¹⁵⁹. Основной тезис статьи, выраженный в её заглавии, был подхвачен всей антидемократической печатью — от черносотенных «Московских ведомостей» до декадентских «Весов»¹⁶⁰.

Позднее, в декабре 1911 года, Плеханов в письме к Горькому так определил главную причину, побудившую Философова и ему подобных поставить крест на литературной деятельности писателя: «...наша критика не может простить Вам того, что Вы социалист. Она пела Вам восторженные похвалы, пока думала, что из Вас выйдет художник-нищанец. А когда увидела, что Вы перешли нищанский предел, она обиделась, огорчилась и принялась оплакивать «конец Горького». Всем этим Вы... можете только гордиться» (XXIV, 341)¹⁶¹.

Одним из главных звеньев антигорьковской кампании были нападки на драматургическое творчество писателя. Именно Горький-драматург «заставил говорить о «конце Горько-

го», — свидетельствует один из современников¹⁶². И действительно, кроме «Мещан» и «На дне», принятых критикой более или менее доброжелательно, все последующие пьесы Горького встречались ею с решительным осуждением.

Уже о «Дачниках» Философов говорил, что как художественное произведение они «просто не существуют, они вне литературы» и являются признаком «измельчания» таланта Горького¹⁶³. Количество таких высказываний возросло после выхода «Детей солнца» и «Варваров». «Каждая новая пьеса Горького является регрессом в отношении предыдущей. «Дети солнца» ушли в этом отношении дальше их всех»¹⁶⁴, — писал один из критиков, и такой взгляд на эту и другие пьесы Горького об интеллигенции был довольно типичен. По А. Измайлову, например, «Варвары» — это «совершенно сырое, неформившееся произведение», оставляющее «впечатление понижения таланта Горького и страшного регрессирования в его драматических работах»¹⁶⁵.

Своего апогея эти нападки достигли после появления драмы «Враги» (декабрь 1906 года). Тогда же получила окончательную отделку и легенда о «конце» Горького, начавшая создаваться, как мы видели, еще до публикации печально известной статьи Философова.

Наряду с другими критиками-марксистами¹⁶⁶, Плеханов выступил против этой легенды, взяв под защиту драматургию Горького в целом и отдельные его пьесы. Незадолго до статьи о «Врагах» Плеханов в заметке «О черной сотне» (март 1906 года) дал сжатую, но содержательную оценку «Детей солнца». Охарактеризовав здесь Горького как «знатока народной психологии» (XV, 52), он коснулся основной коллизии драмы — столкновения между «темным слесарем» Егором, с одной стороны, и Протасовым и прочими «детьми солнца» — с другой.

Тот факт, что в душе Егора уважение к ученому сменяется чувством злобы и жгучей ненависти, Плеханов вслед за автором объясняет трагическим разрывом между «детьми солнца» и «детьми земли», далекостью интеллигенции от народа, от его нужд и тревог. Если Протасов, замечает он, обнаруживает в отношении Егора «весь свой узкий эгоизм», то осталь-

¹⁵⁹ «Русская мысль», 1907, № 4, стр. 122—141.

¹⁶⁰ Бэн (Назаревский Б.), Конец Горького. — «Московские ведомости», 1907, № 199, 1 мая; Эллис (Кобылинский Л.), Еще о соколах и ужах. — «Весы», 1908, № 7, стр. 53—58.

¹⁶¹ Статья Д. Философова была хорошо известна Плеханову. Одно место из неё он цитирует в своей рецензии на книгу Философова «Слова и жизнь» (XIV, 345—346). На экземпляре книги, хранящемся в БДП (шифр Д. 6220), есть ряд помет Плеханова, относящихся к статье (стр. 72, 76 и др.).

¹⁶² А. Редько в «Русском богатстве», 1907, № 6, стр. 106.

¹⁶³ «Новый путь», 1904, № 11, стр. 321, 332.

¹⁶⁴ «Биржевые ведомости», 1905, № 9073, 13 октября.

¹⁶⁵ Там же, 1907, № 9689, 11 января.

¹⁶⁶ Большую роль в борьбе за Горького в этот период сыграли также А. В. Луначарский (статьи «Дачники», «Варвары», «Литературный распад и концентрация интеллигенции») и В. В. Воровский («Максим Горький», «Еще о Горьком»).

ные «дети солнца» относятся к нему еще хуже: Чепурной в глаза называет его собакой; для художника Вагина, зараженного «сверхчеловеческими» теориями, темный слесарь тоже не человек (XV, 53).

«Кто виноват? — спрашивает Плеханов. — Виновата, очевидно, старуха-история, благодаря которой наши «дети солнца» до сих пор были тусклы, как старые медные пятики. В этом, я думаю, и заключается основная мысль пьесы Горького, которую так плохо поняла наша критика» (XV, 53)¹⁶⁷.

Отзыв Плеханова о «Детях солнца» — самое раннее свидетельство высокой оценки им драматургии Горького, социально-психологической значительности и правдивости его пьес.

Таким же образом Плеханов оценивает горьковскую драматургию и в статье «К психологии рабочего движения». Он решительно не согласен с теми, кто утверждал, что талант Горького падает, что его новые драматические произведения («Дети солнца», «Варвары») слабы в художественном отношении, далеки от запросов времени и т. п. Вразрез с этим ходячим мнением Плеханов называет Горького «высокоталантливым художником-пролетарием» (XXIV, 257) и указывает на его последнюю пьесу «Враги» как на замечательное художественное произведение, опровергающее подобные суждения.

Драма Горького привлекла внимание критика-марксиста глубоким исследованием социальной психологии, тем, что в ней изображалась борьба классов и показывалось, как «определяется ею душевный склад действующих лиц, как она определяет собою их мысли и чувства» (XXIV, 258). Под этим углом зрения Плеханов и рассматривает содержание «Врагов».

¹⁶⁷ Что пьеса М. Горького — прежде всего суд над «детьми солнца», оторвавшимися от народа и от живой жизни, — это было, в общем, ясно для либерально-буржуазной критики. Этот суд казался ей пристрастным и несправедливым (см., напр., статью Е. Колтоновской «Пристрастный суд» — «Полярная звезда», 1906, № 9, февраль, стр. 656—662). В этом плане «Детям солнца» противопоставлялась драма Л. Андреева «К звездам» (А. Измайлов, Литературный календарь. — «Биржевые ведомости», 1906, № 9332, 9 июня).

Были, однако, и такие критики, которые, фальсифицируя идейный смысл пьесы, объявляли Горького чуть ли не ренегатом и перебежчиком в лагерь интеллигенции (напр., Ю. Айхенвальд в «Русской мысли», 1905, № 12, стр. 222). Неверно определял идею драмы и В. Фриче, считавший, что Горький не придал изображенной в ней коллизии социального характера, а свёл всё дело к «духовному непониманию» («Правда», 1905, № 12, стр. 26—27).

Очевидно, таких критиков и имел в виду Плеханов в данном случае.

Отличительная черта психологии участника революционного движения рабочих, изображенная в сценах Горького, — это чувство солидарности со своими братьями по классу, тяготение каждого из них к массе, осознание себя её частью. Эта особенность пролетарской психологии нашла свое выражение и в одном из центральных эпизодов пьесы (готовность Рябцова взять на себя вину убийства Михаила Скроботова) и в финальной сцене допроса. Вместе с тем Плеханов подчеркивает, что тяготение рабочего к массе не означает его деиндивидуализации, не представляет угрозы для его личности. Напротив, оно «прямо пропорционально его стремлению к независимости, его сознанию собственного достоинства, словом — развитию его индивидуальности» (XXIV, 259). Участие в массовом движении пролетариата способствует умственному и нравственному развитию личности. На это Плеханов указывал еще в 90-е годы, разбирая повесть Каронина «Снизу вверх». То, что отмечалось им тогда в образе молодого рабочего Михаила Лунина, в еще большей степени характеризовало рабочих Горького. «Поднимается народ разумом, слушает, читает, думает», — говорит Левшин о своих товарищах по борьбе, рабочих старшего и младшего поколений.

Движение рабочих, будучи массовым по своему характеру, предполагает в качестве наиболее плодотворного приема борьбы за лучшее будущее сплочение и организацию пролетарских сил. У Горького это прекрасно сознают сами рабочие, один из которых говорит: «Соединимся, окружим, тиснем и готово». (Заметим сразу: здесь и дальше Плеханов прав, защищая этот тактический приём и противопоставляя его терроризму; он заблуждается как меньшевик там, где начинает сводить всё дело к объединению и организации, словно забывая, что они важны не сами по себе, а именно как средство революционной борьбы. В этом случае он дает не точное представление о содержании пьесы, а его произвольный перевод на язык меньшевизма). В этом отношении пролетарская тактика противоположна индивидуалистической тактике террора. Это опять-таки хорошо понимают рабочие, выведенные Горьким. Левшин осуждает Якимова, убившего в порыве гнева злого и жестокого директора завода Скроботова: «Эх, напрасно Андрей курок спустил! Что оделась убийством? Ничего не сделаешь. Одного пса убить — хозяину другого купить... вот и вся сказка». Приводя эти слова старого рабочего, Плеханов пишет: «Так называемый терроризм — не пролетарский прием борьбы. Настоящий террорист — индивидуалист по характеру или по независимым обстоятельствам» (XXIV, 260).

Значительное внимание Плеханов уделяет в статье вопросу о природе пролетарского героизма, анализируя в этой связи две важнейшие сцены драмы «Враги» — разговор Левшина и Ягодина с Рябцовым и сцену допроса.

Левшин и Ягодин предлагают молодому рабочему Рябцову взять на себя вину за убийство Михаила Скроботова. «Ежели одному не пойти, многих потревожат. Потревожат лучших, которые дороже тебя, Пашок, для товарищеского дела», — так мотивирует Левшин свое предложение, и Рябцов без колебаний готов пожертвовать собой ради «товарищеского дела», — «не потому, что он лучше других, — замечает Плеханов, — а наоборот — потому что другие лучше его» (XXIV, 266). В этой простоте и естественности пролетарского героизма, лишённого внешнего блеска, но исполненного высокого самоотвержения, сказывается его высокая природа. Та же особенность пролетарского героизма отмечается Плехановым и в финальной сцене «Врагов» — сцене допроса, где героизм руководит всеми действиями обвиняемых. «Это — несомненные герои, — пишет Плеханов о рабочих. — Но это герои особого рода, особого закала, это герои из пролетарской среды» (XXIV, 265). Их простой и естественный героизм непонятен для представителей другой социальной среды, имеющих иное представление о героизме и героическом, — например, для актрисы Татьяны Луговой, которой кажется, будто в рабочих «нет страсти, нет героизма».

Так характеризует Плеханов отличительные черты пролетарской психологии и пролетарского героизма, отраженные в драме М. Горького «Враги». Своеобразный подход к драме с позиций критика-социолога позволил ему раскрыть некоторые существенные стороны социально-психологического содержания произведения, раскрыть точно и глубоко, исходя из анализа текста горьковской пьесы, её сцен и образов¹⁶⁸.

Есть, однако, в статье Плеханова такие суждения и выводы, которые не столько «вычитаны» из драмы «Враги», сколько «вчитаны» в нее, расходясь с ее содержанием и смыслом. Это относится к тем частям статьи, которые содержат аргументацию в пользу меньшевистской тактики в рабочем движении.

Продолжая мысль о разном понимании героизма представителями различных классов, Плеханов предлагает «психологический эксперимент»: вообразить, что Татьяна Луговая усвоила социал-демократические идеи и стала членом рабочей

¹⁶⁸ Те черты психологии рабочей массы, которые оттенены в статье Плеханова как наиболее важные, были таковыми и в глазах самого Горького. См. Сб. товарищества «Знание», кн. XIV, СПб., 1906, стр. 115 и 161.

партии. «В новой деятельности Татьяны Луговой, — говорит он, — непременно дало бы себя знать её старое представление о героизме» и «путь агитации и организации масс, — путь, на который почти инстинктивно выступают Ягодины и Левшины, — не раз представился бы ей недостаточно героичным» (XXIV, 266).

Что актриса Татьяна Луговая, став членом рабочей партии, могла принести с собою мелкобуржуазный взгляд на героев и на героическое, — в этом не было бы ничего неожиданного, и в этих пределах плехановский «эксперимент» не противоречил, в общем, содержанию пьесы и характеру героини. Но Плеханов идет дальше и пытается доказать, что меньшевистская тактика это и есть подлинно рабочая тактика, а тактика большевиков — интеллигентская, что будто бы и подтверждается образами Левшина и Ягодина, с одной стороны, и образом Татьяны Луговой — с другой. Здесь уже всё — явная натяжка: и стремление представить Татьяну Луговую выразительницей тактики большевиков, и настойчивое желание выдать путь агитации и организации масс чуть ли не за единственный тактический прием рабочего движения (как будто он исключал путь героической борьбы, по которому вели рабочий класс большевики). В действительности все обстояло как раз наоборот: «Большевизм выразил пролетарскую сущность движения, меньшевизм — его оппортунистическое, мещански-интеллигентское крыло»¹⁶⁹.

Столь же произвольна попытка Плеханова вывести из слов Левшина: «В этом деле страшнее — лучше», сказанных по сугубо конкретному поводу, заключение о том, что участники рабочего движения должны избегать излишнего оптимизма; что такой «романтический оптимизм» — свойство революционеров из буржуазной среды (вроде Татьяны Луговой в его «эксперименте»). Все эти соображения Плеханова противоречили революционно-оптимистическому смыслу пьесы Горького. В таком отношении к романтике революционной борьбы, которую Плеханов называет «революционной алхимией», — зерно последовавшего вскоре осуждения им романа «Мать». Нельзя не вспомнить в этой связи ленинскую критику «реальных» мудрецов из марксистов, разносящих в России 1906—1907 гг. революционную романтику»¹⁷⁰.

Доводы, которые привел Плеханов в статье о «Врагах» в пользу меньшевистской тактики, никак не вытекали из содержания пьесы, и в этом отношении у него не было, конечно, оснований проводить какую-то грань между Горьким-драма-

¹⁶⁹ В. И. Ленин, Полное собрание сочинений, т. 26, стр. 100.

¹⁷⁰ В. И. Ленин, Полное собрание сочинений, т. 14, стр. 375.

тургом и Горьким-публицистом, сотрудником большевистской газеты «Новая жизнь». В драме «Враги», как это убедительно показали её исследователи (Б. А. Бялик, Б. В. Михайловский, Ю. Юзовский и другие), Горький был таким же защитником большевистской тактики, как и в своей публицистике.

Несмотря на то, что некоторые эпизоды горьковской драмы были прочитаны Плехановым сквозь призму меньшевизма и искаженно истолкованы, в целом его анализ «Врагов» был глубок, актуален и отчетливо противостоял поверхностным и фальсификаторским оценкам тогдашней критики.

Большинство критиков реакционного и либерально-буржуазного лагерей прошло мимо социального и даже просто психологического содержания горьковской пьесы. Для этих критиков типичны высказывания вроде: «Враги» — «драма без человека», в которой «образы не обрисованы психологически» (Редько)¹⁷¹, «герои «Врагов» кажутся не людьми с натуры, а актерами, приглашенными Горьким на те ампулы, каких требовал шаблон благонамеренно-либеральной пьесы или романа» (Измайлов)¹⁷²; «рабочие, которые выведены Горьким на авансцену, очень не типичны» (Бразоленко)¹⁷³; «все эти люди не живут, а притворяются, надели маски и излагают какую-то скучную-прескучную роль» (Иванов)¹⁷⁴; «все действующие лица только манекены, созданные по шаблону красных газет, с наклеенными на них ярлыками: черносотенец, жандарм, рабочий и т. д.» (Назаревский)¹⁷⁵ и т. п. Само собой разумеется, что эти отзывы характеризовали не столько пьесу Горького, сколько политические и эстетические пристрастия её критиков.

Для этой критики был неприемлем самый угол зрения, под которым рассматривал горьковскую пьесу Плеханов, его критический метод. Так, по мнению Игнатова, статья «К психологии рабочего движения» только подкрепляет вывод Философова о «конце Горького», ибо то богатство социально-психологического содержания, которое нашел в пьесе Плеханов, служит будто бы доказательством не силы, а слабости писателя. Вслед за Философовым Игнатов упрекал писателя за то, что он во «Врагах» «спустился до уровня уобразителя психологических основ партийной тактики». «Как бы важно ни было понимание психологической основы рабочей тактики,— заключал он,— не может быть сомнения, что к общече-

¹⁷¹ «Русское богатство», 1907, № 6, стр. 108—109.

¹⁷² «Биржевые ведомости», 1907, № 9689, 11 января.

¹⁷³ «Вестник знания», 1907, № 2, стр. 121.

¹⁷⁴ «Перевал», 1907, № 3, стр. 60.

¹⁷⁵ «Московские ведомости», 1907, № 24, 30 января.

ловческому, к вечному оно относится как ничтожная дробь к целому»¹⁷⁶.

Были среди критиков 900-х годов и такие, которые, подобно Плеханову, рассматривали «Врагов» главным образом с точки зрения изображения современного рабочего движения и психологии его участников. Однако они не нашли в пьесе М. Горького сколько-нибудь удовлетворительного освещения того и другого. К таким критикам принадлежали В. Фриче и Ф. Калинин. Их критические отзывы о «Врагах» появились после статьи Плеханова и — прямо или косвенно — полемичны по отношению к ней. Основной пункт разногласий — именно вопрос об отображении в драме Горького психологии пролетарского движения.

Разбирая пьесу в статье «Эволюция театра и драмы», Фриче отчасти повторял Плеханова там, где касался вопроса об особенностях пролетарского героизма. Он писал, что геро-рабочие в пьесе Горького «не похожи на героев в обычном смысле этого слова», ибо «в них нет ничего блестящего и эффектного», и они могут показаться интеллигентам вроде Татьяны Луговой «серыми» и «простыми». «И однако эти «простые» люди,— продолжал критик,— бесконечно сильны чувством солидарности, круговой порукой, связывающей их в непобедимые колонны своим лозунгом: «один за всех, все за одного...». В этой солидарности — залог победы». Вместе с тем в статье Фриче выдвигался тезис, который резко противоречил положениям работы Плеханова. Критик считал, что в драме Горького «самая тактика пролетариата носит не коллективистический характер, а индивидуалистический, она облечена в форму старомодного фабричного террора, а не в современную форму стачки»¹⁷⁷.

На подобной же точке зрения стоял и Ф. Калинин в статье «Тип рабочего в литературе». В соответствии с основным тезисом своей статьи: интеллигент еще может думать за молодой рабочий класс, но чувствовать за него он не может — критик считал неудачной попытку Горького изобразить во «Врагах» психологию рабочей массы. По его мнению, Горький, желая выразить в своей пьесе идею рабочей солидарности, взял её совсем не в той области, где она обычно выражается в рабочем движении. «Форма проявления рабочей солидарности, которую изображает М. Горький,— пишет он,— носит вполне сектантский характер. Эта форма солидарности присуща всем тайным организациям, в особенности когда в них есть налет фанатического мистицизма. В значительной

¹⁷⁶ «Русские ведомости», 1907, № 163, 18 июля.

¹⁷⁷ Из истории новейшей русской литературы, М., 1910, стр. 111.

степени произведение тем и неудачно, что автор не сумел нащупать подлинную рабочую идею социалистической солидарности»¹⁷⁸.

Все это прямо противоположно тому, что утверждал Плеханов и что заключено было в самой пьесе, где, с одной стороны, осуждалась тактика индивидуального террора, а с другой — признавалась ошибкой и попытка Левшина «подменить» убийцу. В эпизоде с подменной убийцы Плеханов увидел не одно сектантство, а самое главное — демонстрацию рабочей солидарности, готовность молодого Рябцова к самоотверженному подвигу во имя общего «товарищеского дела». В этом отношении, как и во многих других, плехановский анализ «Врагов» стоял вне всяких сравнений.

Важный аспект статьи «К психологии рабочего движения» — глубокий анализ философско-этических проблем, поставленных в пьесе «Враги»: вопросов о зле и путях борьбы с ним, о соотношении морали пролетарской и общечеловеческой, о подлинном гуманизме. Вопросы эти не случайно были поставлены в плехановской статье. Критические оценки Плеханова были направлены и против тех, кто видел в пьесе Горького призыв к примирению классов, и против тех, кто находил во «Врагах» чуть ли не руководство к террору и убийству. В первом смысле пьесу истолковывал критик «Русского Востока»¹⁷⁹, во втором — безымянный Бэн, он же Б. Назаревский, критик и редактор ретроградных «Московских ведомостей», с бешеной злобой к революции и её художнику писавший, что Горький во «Врагах» «стремится приурочить свой язык к краткому, но выразительному языку революционных брошюр и прокламаций»; что «вся его новая пьеса представляет распространенную почти на 200 стр. прокламацию р. с.-д. партии»; что «Враги» — это «руководство к политическим убийствам», в котором убийство «разрешается, поощряется и оправдывается тем, что виноватыми оказываются, по логике революционеров, не убийцы, а их жертвы»¹⁸⁰.

Плехановский анализ этих проблем направлялся также против критиков рабочего движения, которые не видели в рабочей массе «ничего, кроме серой «толпы», а в психологических мотивах её борьбы — ничего, кроме грубых, почти животных, побуждений» (XXIV, 269) и которые резкой гранью

¹⁷⁸ «Новый журнал для всех», 1912, № 9, стр. 101—102.

¹⁷⁹ См. Б. Бялик, М. Горький — драматург, «Советский писатель», М., 1962, стр. 173.

¹⁸⁰ «Московские ведомости», 1907, № 24, 30 января.

отделяли классовую мораль пролетариата от морали «общечеловеческой»¹⁸¹.

Разбирая образ Левшина, Плеханов глубоко и проникновенно раскрыл «настроение чувств и умов» рабочего класса, борющегося за свое освобождение, нравственно-психологический мир его представителей.

По Плеханову, Левшин — «сознательный рабочий», «мыслящий пролетарий»¹⁸². Классовая точка зрения не исключает, однако, у этого типичного пролетария любви к «человеку вообще», как об этом твердили критики пролетарской морали. Взгляд старого рабочего не узок, а широк: Левшин убежден, что зло не в людях, а в общественном устройстве. Приводя в своей статье ряд сцен и эпизодов, связанных с Левшиным, его суждения о копейке («Все человеческое на земле медью отравлено, милая барышня... Все люди связаны медной копейкой»), его грустные и меткие слова о становом, у которого «должность такая... обижающая!», о необходимости уничтожить, «схоронить» копейку и т. п., Плеханов характеризует левшинский взгляд на жизнь как «несложный, но своеобразный и глубоко человеческий» (XXIV, 269).

«Для него «копейка», — пишет Плеханов, — символ целого строя. Его любящая душа исстрадалась от зрелища той жестокой свалки, которая происходит ради «копейки» в капиталистическом обществе... И он примыкает к социалистам, желающим того же, к чему стремится его честная и чуткая душа: «уничтожить копейку», т. е. устранить нынешний экономический строй..., «уничтожить копейку» для него значит уничтожить всё то зло, которое делается теперь людьми в экономической борьбе за существование» (XXIV, 273).

В то же время Плеханов показал, что пролетарский гуманизм неизбежно связан с борьбой против «копейки» и основанного на ней строя человеческих отношений; что борьба

¹⁸¹ В статье «Евангелие от декаданса» Плеханов критиковал Н. Минского, который «не способен понять, что интерес данного класса может в данный период исторического развития данного общества совпадать с общечеловеческими интересами» (XVII, 287).

¹⁸² В работе Б. В. Михайловского «Драматургия М. Горького эпохи первой русской революции» («Искусство», М., 1955) Левшин характеризуется как рабочий с довольно сильными пережитками крестьянской психологии, как носитель «гуманизма толстовского типа», который находится лишь на пути к усвоению пролетарской морали. Исследователь даже считает, что «неправильно представлять Левшина главным «идеологом» пролетарского лагеря во «Врагах», как это делал Плеханов» (стр. 227). В отношении Левшина к насилию Б. В. Михайловский видит не диалектику чувств, а эволюцию от отрицания насилия к его признанию. Думается, что Плеханов правильно определил место Левшина в общей композиции драмы, глубже раскрыл сущность его нравственно-психологического облика.

пролетариата против зла, господствующего в капиталистическом мире, предполагает насилие; что пролетарская мораль противоположна в этом смысле толстовской заповеди: «не противьтесь злу насилием». Левшин, по природе мягкий человек, склонный к всепрощению, отнюдь не отвергает насильственных средств, когда это нужно для «общего, человеческого» дела. Будучи противником террора и не одобряя убийства Михаила Скроботова, он в то же время говорит по поводу этого убийства: «Злого и убить. Добрый сам помрет». И если он отвергает террор, то не потому, что вообще против насилия, а потому, что террористический акт ничего не меняет («Одного пса убить — хозяину другого купить»).

Плеханов, касаясь этого кажущегося противоречия в характере Левшина, глубоко и верно замечает: «Он полон любви, но диалектика общественной жизни отражается в его душе в виде диалектики чувства, и любовь делает его борцом, способным на самые суровые решения. Он чувствует, что без них нельзя обойтись, что без них зла будет еще больше» (XXIV, 274).

В этом — существенное отличие пролетарской нравственности от морали Льва Толстого, которая построена на такой арифметике: насилие + насилие = двум насилиям. Противопоставляя арифметике Льва Толстого алгебру революционной борьбы, Плеханов указывал, что революционное насилие, изменяя к лучшему общественное устройство, устраняет значительную часть тех причин, которыми вызывается преступность, и ведет не к умножению зла, а к его уменьшению. «Пролетарии, подобные Левшину и его товарищам..., считают себя обязанными устранять зло, а не устранять себя от участия в нем» (XXIV, 275). Во «Врагах» Горького, заключает Плеханов, ярко иллюстрируется деятельный характер пролетарского гуманизма, «и этого одного было бы достаточно, чтобы сделать его новую пьесу замечательным художественным произведением» (XXIV, 276).

Все сказанное позволяет сделать вывод, что статья Плеханова «К психологии рабочего движения», при всех её недостатках, — одна из наиболее ярких и глубоких критических работ о Горьком, созданных в 900-е годы. Многие её положения до сих пор не потеряли своего значения.

То, что Плеханов писал о Горьком после этой статьи, менее значительно по содержанию и еще меньше свободно от ошибок меньшевистского характера. Последние определили, в частности, отношение критика к роману «Мать» и очеркам об Америке.

В предисловии к 3-му изданию сборника «За двадцать лет» (1908) и в статье «Еще о религии» (1909) Плеханов

осудил горьковский роман, мотивировав свою отрицательную оценку соображениями как эстетического, так и идейного порядка.

Первый упрек критика по адресу Горького затрагивал формальную сторону дела. Будучи «замечательным и ярким художником», Горький, по мысли Плеханова, принадлежит к числу писателей, у которых «ум ушел в талант». «Поэтому и неудачны те его произведения, в которых силен публицистический элемент, например, очерки американской жизни и роман «Мать» (XVII, 258—259). У писателя нет отчетливого понимания того, «как мало годится роль проповедника, т. е. человека, говорящего преимущественно языком логики, — для художника, т. е. для человека, говорящего преимущественно языком образов» (XIV, 192).

Другое обвинение носит более серьезный характер. Дело оказывается не только в том, что писатель выступил в романе «Мать» как публицист и проповедник марксистских взглядов, но и в том, что этот роман будто бы «показал, что для роли проповедника этих взглядов Горький совершенно не годится, так как взглядов Маркса он совсем не понимает» (XIV, 192). В другом месте Плеханов пишет об узости «социалистического мирозерцания М. Горького», не застрахованного от утопизма (XVII, 266).

Это второе соображение Плеханова и объясняет главную причину односторонне-отрицательной оценки им романа «Мать». То обстоятельство, что Горький выступил в своем романе в роли публициста, не могло, конечно, иметь для Плеханова решающего значения. В этом и других случаях (напр., в статьях о народнической литературе 70—80-х годов) Плеханов, осуждая «публицистический элемент», имел в виду не столько публицистическую форму выражения писателем своих взглядов, сколько содержание этих взглядов, отвергал не публицистику саму по себе, а её идейную направленность¹⁸³. В данном случае речь шла о большевистской направленности романа, которая со всей очевидностью и яркостью выражалась в прямой форме публицистических высказываний героев и автора. В драме «Враги» она несколько приглушалась объективной формой изложения (здесь Горький «не рассуждает, а изображает»), что и давало Плеханову возможность по-своему, то есть по-меньшевистски, толковать отдельные эпизоды пьесы и противопоставлять Горького-художника Горькому-публицисту.

¹⁸³ «Если существуют действительно вечные законы искусства, — писал он в 1897 году, — то это те, в силу которых в известные исторические эпохи публицистика неудержимо врывается в область художественного творчества и распоряжается там, как у себя дома» (X, 193).

Как замечал впоследствии А. В. Луначарский, «если бы это была публицистика вообще, может быть, её еще простили бы, но это была большевистская публицистика», и Плеханов не мог отнестись к ней иначе, чем с осуждением¹⁸⁴. Возникает вопрос: какой конкретно круг идей, выраженных в романе «Мать», имел или мог иметь в виду Плеханов-меньшевик, давая книге отрицательную оценку и обвиняя Горького в непонимании взглядов Маркса?

С большой долей вероятности можно указать на три пункта, по которым у Плеханова должны были возникнуть разногласия с Горьким.

Одна из важнейших тем романа «Мать» — изображение процесса соединения стихийного движения рабочих с теорией научного социализма. В полном соответствии с положениями В. И. Ленина, развернутыми в книге «Что делать?» (1902), писатель показывает, что рабочее движение становится могучей силой тогда, когда оно вооружается идеями научного социализма. Эти идеи пропандировала и вносила в рабочую среду революционная марксистская интеллигенция, что и показано в романе во взаимоотношениях Павла Власова и других рабочих слободки с такими революционерами-интеллигентами, как Егор Иванович, Николай Иванович, Софья, Саша, Наташа. Эта линия романа вполне могла вызвать возражения Плеханова, который ошибочно полагал, что социалистическое сознание возникает у пролетариата само по себе, просто в силу его социально-экономического бытия. Исходя из этого, Плеханов недооценивал роль «революционной бациллы» — интеллигенции в деле приобщения рабочих к идеям научного социализма, выступал против ленинского решения этой проблемы (особенно в статье 1904 года «Рабочий класс и социал-демократическая интеллигенция»).

Другая важная сторона идейного содержания романа, которая была неприемлема для меньшевика Плеханова, — это, конечно, идея тесного союза рабочего класса и крестьянства в их борьбе против самодержавия и буржуазии. Она выражена в романе во взаимоотношениях Павла Власова и Михаила Рыбина, в сценах работы Ниловны и Софьи в де-

¹⁸⁴ А. В. Луначарский, Собр. соч. в 8-ми томах, т. 2, стр. 128. Что дело здесь было не в публицистике, подтверждает и отзыв Плеханова об американских очерках. «М. Горький, — пишет он, — сам крайне плохо переварил ту истину, которую несет миру пролетариат. Этим объясняются многие его литературные промахи. Если бы он хорошо переварил названную истину, то его американские очерки были бы написаны совершенно в другом духе: их автор не выступал бы перед нами в виде народника, проклинающего пришествие капитализма» (XVII, 265—266). Плеханов неправоммерно отождествляет горьковскую критику цивилизации Желтого Дьявола с народнической романтической критикой капитализма.

ревне, в изображении пробуждения и роста самосознания в крестьянской среде. Как известно, Плеханов считал ближайшим союзником пролетариата в будущей революции не крестьянство, а либеральную буржуазию и с этой точки зрения вел неустанную полемику с большевиками (например, в «Письмах о тактике и бестактности», 1906). В той самой статье, где он писал об узости «социалистического мирозерцания» Горького, есть и выпад против «пресловутой «диктатуры пролетариата и крестьянства» (XVII, 261).

Наконец, нужно сказать и о «романтике», которую Плеханов нашел в публицистических работах Горького, печатавшихся в «Новой жизни», и осудил её, установив связь между нею и идеями большевизма. В статье о «Врагах», как мы помним, он предостерегал от «розовых надежд», от «романтического оптимизма» в оценке перспектив революционной борьбы. Естественно, что роман «Мать», пронизанный духом революционного оптимизма и революционной романтики, мог этой своей стороной вызвать отрицательную реакцию Плеханова¹⁸⁵.

Примечательно и то, что во всех этих случаях Плеханов стремился представить свою позицию как подлинно марксистскую, а большевиков обвинял во всевозможных отступлениях от духа и буквы учения Маркса и Энгельса.

Так логика меньшевизма привела Плеханова к неверным оценкам романа «Мать» и американских очерков и объективно приблизила его позицию к точке зрения тех многочисленных критиков этих произведений Горького, которых не устраивала большевистская партийность писателя¹⁸⁶. Ошибочные взгляды Плеханова были использованы в буржуазной прессе для нападок на Горького «как публициста и проповедника социализма»¹⁸⁷.

Однако критические суждения Плеханова о Горьком пос-

¹⁸⁵ В статье Г. П. Семеновской «Г. В. Плеханов и М. Горький» («Русская литература», 1967, № 3, стр. 58) высказано предположение, что критик мог увидеть в «Матери» выражение богостроительских идей, которые писатель вложил в уста Рыбина и которые затем легли в основу «Исповеди». Если таковые и есть в романе, то Плеханов их, видимо, не заметил: по его словам, здесь Горький «выступил в роли проповедника социализма, тогда еще не облеченного им в поповский подрясник» (XVII, 266).

¹⁸⁶ Обзор критических высказываний о романе «Мать» и американских очерках см. в работах: С. В. Касторский, Некоторые итоги и задачи изучения повести «Мать» М. Горького. — Вопросы советской литературы, т. VII, Изд-во АН СССР, Л., 1958, стр. 305—358; Г. Ленобль, Американские очерки и памфлеты Горького. — «Звезда», 1948, № 3, стр. 82—89; О. Семеновский, Марксистская критика о Горьком, «Карта молдовеняскэ», Кишинев, 1969.

¹⁸⁷ См. Г. Старцев, Г. В. Плеханов о М. Горьком. — «Баку», 1911, № 78, 7 апреля.

ле 1907 года не исчерпываются односторонними оценками «Матери» и очерков об Америке. Среди них есть и такие, которые были связаны с сильными сторонами его деятельности этих лет и имели положительное значение в литературной борьбе. Такова данная им в статье «Еще о религии» — первой в цикле работ о так называемых религиозных исканиях в России — критическая оценка горьковской «Исповеди».

Плеханов отнесся к «Исповеди» столь же отрицательно, как и к роману «Мать», но по другим причинам. Повесть эта, проповедовавшая идеи богостроительства, в удушливой атмосфере послереволюционных лет играла на руку отсталым настроениям. Встреченная суровым осуждением В. И. Ленина и критиков ленинской школы, она вызвала шумные одобрения реакционной, буржуазной и декадентской прессы.

Произошло нечто обратное тому, что было после выхода пьесы «Враги». Та самая критика, которая ранее травила Горького и объявила во всеуслышание о его «конце», заговорила теперь о воскрешении его таланта.

Одна из статей об «Исповеди», принадлежащая перу С. Либровича (псевдоним — Лукиан Сильный), так и называлась «Воскресший Горький». «Горький умер!» Так поспешили оповестить публику некоторые критики... Но вот в последнем сборнике «Знания» Горький выступил с новым объемистым произведением, которым он воочию доказал, что гг. критики чересчур поспешили со своим восклицанием «умер талант!» В новом своем произведении Горький опять является могучим, сильным, своеобразным и оригинальным писателем¹⁸⁸.

Р. Иванов-Разумник в обзоре «Русская литература в 1908 году», отнеся повесть Горького к числу наиболее выдающихся вещей года, писал: «Прекрасная повесть М. Горького «Исповедь» положила конец модным разговорам о «конце Горького»¹⁸⁹. То же самое писал Г. Чулков в статье «Правда Максима Горького», посвященной новой горьковской повести: «В повести «Исповедь» Максима Горького я вновь услышал голос вольнолюбивого мечтателя, умеющего видеть сны и, главное, верить в них... Д. В. Философов хорошо сделал, что взял назад свое неосторожное слово о «конце Горького». Нельзя говорить о «конце» писателя, когда жива любовь его»¹⁹⁰.

Чулков имел в виду статью Д. Философова «Мещанское сердце», в которой критик-декадент, первый бросивший фразу о «конце Горького», в связи с появлением «Исповеди» признавал поспешность и преждевременность своего приговора.

¹⁸⁸ «Вестник литературы», 1908, №№ 6—7, стр. 136—137.

¹⁸⁹ «Русские ведомости», 1909, № 1, 1 января.

¹⁹⁰ «Речь», 1908, № 162, 9 июля.

«Одно время,— говорил Философов о Горьком,— он совершенно отказался от своей личности и добросовестно старался зарыть свой талант в землю, в угоду марксистскому идолу. Это было время, когда мещанская критика скорбела о «конце» Горького. Но природа взяла свое. Дарование Горького не вынесло тисков марксистского трафарета, и он написал «Исповедь»... Мы — «мещане», говорившие о «конце» Горького, этому выходу только радуемся и готовы приветствовать возрождение писателя»¹⁹¹.

Наряду с «мещанской критикой» появление «Исповеди» приветствовали и публицисты-богостроители и близкие к ним по своим взглядам¹⁹². Как новый взлет в творчестве Горького оценивал «Исповедь» и А. В. Луначарский, посвятивший этой «одиссее богостроителя» большую статью во 2-й книге «Литературного распада» и поставивший её гораздо выше романа «Мать».

На этом идейном фоне становится очевидной актуальность выступления Плеханова с критикой «Исповеди», которую он рассматривал не столько как литературное, сколько как общественное явление, в ряду других попыток подновления религии. Вот почему он посвятил ей не критическую статью или рецензию, а один из разделов в философско-публицистической статье «Еще о религии». Раздел имеет заголовок: «Исповедь» М. Горького как проповедь «новой религии».

Под «новой религией» Плеханов подразумевал ту «религию без бога», которую, исходя из предпосылки, что социализм — «это пятая великая религия», пытался обосновать в своих сочинениях этих лет А. Луначарский. Именно поэтому критическому разбору «Исповеди» в статье «Еще о религии» предшествует анализ религиозного «искания» Луначарского, ибо, как справедливо заметил Плеханов, «М. Горький... выступает в этой повести в качестве проповедника «пятой религии» г. А. Луначарского» (XVII, 259)¹⁹³. Именно поэтому параллельно с анализом «Исповеди» ведется у Плеханова и анализ статьи о ней А. Луначарского, в которой был дан

¹⁹¹ «Слово», 1908, № 536, 15 августа. См. столь же похвальные отзывы В. Быстрина («Московский еженедельник», 1908, №№ 40, 41), А. Измайлова («Образование», 1908, № 7), А. Белого («Весы», 1908, № 9), В. Гофмана («Русская мысль», 1908, № 8), В. Поссе («Слово», 1908, № 478, 8 июня).

¹⁹² См. статью В. Базарова «Богостроительство и богоискательство», прочитанную в качестве реферата в Петербургском литературном обществе в январе 1909 года.— Сб. «Вершины», кн. 1, СПб., 1909, стр. 354—356.

¹⁹³ На это обратили внимание и другие критики. «То, что Луначарский делал в философско-публицистических статьях, Горький постарался сделать художественной кистью».— писал, напр., В. Львов («Образование», 1908, № 7, отд. II, стр. 28—29).

как бы перевод картин и образов повести на язык богостроительской публицистики.

Не отрицая известных достоинств повести¹⁹⁴, Плеханов сосредоточил свое внимание на критике главных пунктов философско-религиозных построений Горького, близких к концепциям Луначарского и Богданова.

Первый из таких пунктов — идея «народобожия», обожевления человечества, народа, коллектива. В общей структуре «Исповеди» ей принадлежала центральная, объединяющая роль. «Богостроитель — это суть народушко!» — говорил Горький устами старца Ионы. «Народушко» одновременно есть и «бог, творяй чудеса», и «отец всех богов, бывших и будущих». «Ты еси мой бог и творец всех богов», — говорит, обращаясь к нему с молитвой, главный герой Матвей в финале повести.

Глубокой ошибкой автора «Исповеди» и её апологетов было то, что они «именовали религиозным всякое общественное чувство» (XVII, 260), всякое проявление коллективного настроения и коллективной воли. Их ошибка сродни заблуждению Фейербаха, который проповедовал религию сердца и любви на основе отождествления слова «религия» со словом «связь». «Они, — писал Плеханов о Горьком и Луначарском, — начинают с того, что объявляют бога фикцией, а кончают тем, что признают человечество богом. Но ведь человечество — не фикция. Зачем же называть его богом? И почему же для человечества будет лестно, если его отождествят с одной из его собственных фикций?» (XVII, 263—264).

Обратили на себя внимание Плеханова и восходящие к Богданову философско-исторические представления Горького о происхождении понятия о боге и о содержании учения Христа. «Люди делятся на два племени, — говорилось в «Исповеди», — одни — вечные богостроители, другие — навсегда рабы пленного стремления ко власти над первыми и над всею землей. Захватили они власть и ею утверждают бытие бога вне человека, бога — врага людей, судии и господина земли. Исказили они лицо души Христа, отвергли его заповеди, ибо Христос живой — против их, против власти человека

¹⁹⁴ Плеханов отметил «чудные страницы, продиктованные поэтическим сознанием единства человека с природой», в которых «громко слышатся гетевские мотивы» (XVII, 259). См. также отметки на берлинском издании «Исповеди», БДП, Д. 6878, стр. 158).

Приводя далее слова Энгельса о том, что «величие Гёте состоит именно в этой человечности, в этой эмансипации искусства от целей религии», он писал: «Как хорошо было бы, если бы изучение марксизма помогло М. Горькому понять величие Гёте с этой его стороны» (XVII, 264).

над ближним своим!» По этому поводу Плеханов замечал, что понятие о боге, существующем вне человека, первоначально обязано своим происхождением не разделению людей на «племена» или классы, а первобытному анимизму; что же касается смысла учения Христа, то уже едва ли не самый выдающийся из первых христиан писал: «рабы, повинуйтесь господам своим!» (XVII, 264—265).

В заключение Плеханов остановился на проблеме свободы и необходимости и вопросе о соотношении «я» и «не я», личности и социального коллектива. Он справедливо увидел здесь один из главных пунктов расхождения между философией марксизма и махистской философией активизма и «коллективизма», которую усердно пропагандировали в годы реакции Богданов и Луначарский и которая наложила печать и на повесть Горького¹⁹⁵. Герой «Исповеди» Матвей не может найти ответа на вопрос о том, «где же человек?», где место его свободе и активности в детерминированном мире, в котором он чувствует себя, «как мышь в западне». Нет намека на его решение и в самой повести, из чего Плеханов логично заключал, что фаталистический вывод Матвея из книг материалистов — это в какой-то мере и взгляд самого Горького. «Пятая религия» и послужила ему дверью, через которую он спасся от этого безнадежного вывода» (XVII, 269). На самом же деле ошибочно не учение диалектического материализма о необходимости и свободе, а безотрадные выводы, сделанные из него Горьким и Луначарским. Плеханов прекрасно показал, что идея «активизма» удивительным образом сочеталась у автора «Исповеди» (как и у Богданова) с принижением личности, интересы которой понимались в сугубо эгоистическом плане и противопоставлялись интересам социального коллектива. «Вот это самое «я» и есть злейший враг человека!» — говорит Горький устами одного из героев, объявляя интересы «я» не заслуживающими никакого внимания ввиду интересов «не я». По Плеханову, это такое же одностороннее решение проблемы, как и противоположное ему решение в духе Ницше. Оно противоречит духу марксизма, который никогда не приносил личность, «частного человека» в жертву «всеобщему», ибо общий интерес создается самими частными лицами и не существует помимо них. В этой связи Плеханов припомнил полемику Маркса с «истинным социалистом» Криге, который говорил, проповедуя свою новую религию: «У нас есть дело гораздо лучшее, чем

¹⁹⁵ Аналогичные взгляды Горький развивал в статье «Разрушение личности», опубликованной в богдановском сборнике «Очерки философии коллективизма» (СПб., 1909, стр. 357).

забота о нашем жалком «я». Маркс указывал, что религия Криге, как и всякая другая кончает сервиллизмом перед метафизической или даже религиозной фикцией, которой является человечество, отделенное от «я»¹⁹⁶. «Очень совету... М. Горькому, — писал Плеханов, — вдуматься в эти слова автора «Капитала» (XVII, 270).

Как и прежние суждения о Горьком, плехановская критика «Исповеди» снижалась меньшевистской тенденциозностью, попытками Плеханова связать слабые стороны повести с тактическими взглядами большевиков. «Говоря о «народушке», — писал он, например, — старец Иона нимало не отклоняется от тактики г. А. Луначарского и его единомышленников. Всякий, вероятно, видит также и то, что повесть «Исповедь» написана не без влияния оной тактики» (XVII, 261). В данном и аналогичных случаях Плеханов, будучи правым в своей полемике с махистскими и богостроительскими идеями по существу, наносил ущерб марксистской философии, «связывая тут борьбу с фракционной борьбой»¹⁹⁷.

Отзыв об «Исповеди» — последнее из печатных суждений Плеханова о произведениях Максима Горького¹⁹⁸. Со следующего, 1910 года в центре его внимания становится литературная деятельность Льва Толстого — мыслителя и художника.

2.

В 1910—1911 гг. Плеханов выступил на страницах различных партийных (большевистских) изданий с серией статей о Льве Толстом¹⁹⁹. Составившие её четыре работы («Отсюда и досюда», «Смещение представлений», «Карл Маркс и Лев Толстой», «Еще о Толстом») сыграли большую роль в той

¹⁹⁶ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 4, Госполитиздат, М., 1955, стр. 14.

¹⁹⁷ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 47, стр. 138.

¹⁹⁸ Из других высказываний Плеханова следует отметить, во-первых, данную в письме к Горькому от 21 декабря 1911 года оценку романа «Матвей Кожемякин» (XXIV, 340—341) и, во-вторых, ряд замечаний по адресу Горького-публициста, занявшего в 1914 году пораженческую позицию (их обзор и анализ см. в упоминавшейся статье Г. П. Семеновской).

¹⁹⁹ В советском литературоведении им посвящен ряд статей и исследований, в которых широко и обстоятельно освещается тема «Ленин и Плеханов о Льве Толстом». Сводная библиография дана в книге Б. И. Бурцова «Л. Н. Толстой. Семинарий» (Учпедгиз, Л., 1963, стр. 211—212).

борьбе, которая велась марксистской публицистикой за Толстого и против толстовства в дни после смерти писателя.

Вызванные конкретными историческими обстоятельствами, статьи эти явились завершением долгих размышлений Плеханова над деятельностью Толстого — мыслителя и художника. Некоторые исследователи считают, что до 1910 года Плеханов «ограничивался лишь частными замечаниями, из которых можно заключить только то, что он придерживался взгляда на Толстого как на гениального бытописателя «дворянских гнезд» и мастера психологического анализа»²⁰⁰. Это неточно. До создания указанной серии Плехановым были сделаны не только замечания частного порядка, но и написаны две статьи о Толстом («Симптоматическая ошибка» и «Толстой и природа»), причем в них, как и в более поздних работах, рассматривалось главным образом учение Толстого, а не его художественное творчество.

По свидетельству Р. М. Плехановой, еще в середине 90-х годов, «в разгар увлечения толстовским учением русской молодежи и общества», Плеханов выступал на собраниях женевской политической эмиграции и студенчества против апологетов «философских взглядов Толстого и его положения о «непротивлении злу»²⁰¹. Об отрицательном отношении Плеханова к толстовству говорят и многие его высказывания о Толстом, рассыпанные в статьях 90-х годов: так, в одной из них он указывает на «уродливое» решение автором «Исповеди» ряда общественных вопросов (X, 95), в другой пишет об отвлеченном характере толстовской этики, напоминающей в этом отношении мораль Фейербаха (VIII, 339), в третьей называет «коренной ошибкой» учения Толстого признание им самостоятельного развития психики, якобы независимого от общественных отношений²⁰². В то же время Плеханов приветствует выступление Толстого со статьей «Страшный вопрос», ценит его за смелую критику лицемерия и подлости господствующих классов, обрекших народ на голод и вымирание (III, 332—333). И в дальнейшем у него сохранится такой дифференцированный подход к учительной, публицистической деятельности Толстого.

См. также: Д. Яков, Лев Толстой в оценке Г. В. Плеханова.— *Dissertationes Slavicae*, Материалы и сообщения по славяноведению, II, Szeged, 1964, 35—40; О. Семеновский, Марксистская критика о Чехове и Толстом, «Карта молдовеняскэ», Кишинев, 1968.

²⁰⁰ Б. Мейлах, Ленин и проблемы русской литературы конца XIX — начала XX вв., Лениздат, 1956, стр. 312.

²⁰¹ Группа «Освобождение труда», сб. 4, Госиздат, М.—Л., 1926, стр. 295.

²⁰² Литературное наследие Г. В. Плеханова, сб. IV, стр. 243.

С начала 900-х годов расширяется круг вопросов, которые затрагивает Плеханов в своих высказываниях о писателе: в «Письмах без адреса» (1899—1900) разбираются его взгляды на искусство²⁰³, в статье «Н. А. Некрасов» (1903) дается впервые характеристика Толстого-художника. К 1902 году относится замысел рецензии на книгу Л. И. Аксельрод (Ортодокс) «Мировоззрение Толстого и его развитие», вышедшей в немецком издании²⁰⁴.

Но и в эти годы в центре внимания Плеханова находится Толстой-«учитель жизни». Особый интерес к учению Толстого критик-марксист проявил в преддверии юбилея 1908 года, дважды выступив с опровержением и осуждением толстовской утопической программы борьбы со злом.

В статье «К психологии рабочего движения» Плеханов указал на «холодную безнравственность толстовской нравственности», которая учит человека не устранять зло, а устранять себя от участия в нем. Он противопоставил учению Толстого о ненасилии и непротивлении пролетарскую философию революционного насилия и борьбы со злом, пассивной нравственности Толстого и его последователей — деятельную мораль пролетариата. В том же 1907 году в статье «Симптоматическая ошибка» Плеханов критиковал выступление Толстого с заповедью «не убий никого», во имя которой писателем осуждался не только белый террор, но и революционное движение. Вопрос не в том, замечал критик, правильна ли сама по себе эта евангельская истина, «а в том, где лежат препятствия, мешающие ее осуществлению, и какими средствами могут быть устранены эти препятствия» (XV, 349). Во всяком случае толстовские апелляции к разуму и совести насильников — не такое средство²⁰⁵.

В последней работе впервые отчетливо выражена мысль о необходимости различать Толстого-художника и Толстого-«толстовца» и «сектанта», которая потом займет такое важ-

²⁰³ По воспоминаниям В. Бонч-Бруевича, «Плеханов собирался посвятить этому трактату Толстого особое исследование и, когда читал лекции об искусстве в Лозанне, Женеве и Цюрихе, всегда разбирал это произведение Льва Николаевича» («На литературном посту», 1928, № 1, стр. 2).

²⁰⁴ См. Литературное наследие Г. В. Плеханова, сб. 1, стр. 365. Рецензия не была написана: одобрительный отзыв в социал-демократической «Заре» мог помешать выходу книги в русском издании. Впоследствии Плеханов рекомендовал книгу Аксельрод как «прекрасную работу», в которой «очень хорошо разобрано учение Толстого» (XXIV, 214; XVII, 235), и неоднократно ссылался на нее в своих статьях.

²⁰⁵ На статью Плеханова откликнулась декадентка З. Гиппиус. Сводя предмет спора к нравственной коллизии между «нельзя» и «надо», она заявляла об односторонности точек зрения Толстого и Плеханова: «Вот этого благодатного ужаса, которым полно столкновение «нельзя» и «надо», не видят ни Толстой, осуждающий всех во имя абсолюта, ни Плеханов,

ное место в статьях 1910—1911 гг. «Что автор «Войны и мира» есть великий писатель русской земли,— пишет здесь Плеханов,— что русская земля имеет право гордиться им и обязана любить его; что самый факт появления в нашей много-страдальной России таких писателей служит нам одним из ручательств за её лучшее будущее — все это так, все это верно, все это неоспоримо. Но великий писатель русской земли велик как художник, а вовсе не как сектант. Его сектантство свидетельствует не об его величии, а об его слабости, т. е. о крайней ограниченности его общественных взглядов» (XV, 350).

На этом положении Плеханов настаивает в известном письме к В. В. Водовозову, написанном в августе 1908 года в ответ на предложение войти в состав Комитета по организации чествования Толстого. «Я бесконечно высоко ставлю Л. Н. Толстого как художника, но я не хотел бы ни одним своим словом и ни одним своим действием дать русскому читателю повод думать, что я разделяю общественные взгляды нашего великого романиста», — говорил Плеханов, соглашаясь принять участие в работе Комитета лишь в том случае, если он будет «чествовать Л. Н. именно как художника, а не как публициста»²⁰⁶.

Тогда же им был написан для задуманного Комитетом сборника критический этюд «Толстой и природа», где речь шла о замечательном мастерстве Толстого-пейзажиста, об его ощущении природы²⁰⁷.

Преобладающей в статьях и откликах Плеханова о Толстом до 1910 года является, однако, линия отрицания толстовства. Она нашла выражение, помимо названных статей, в одном из разделов работы «О так называемых религиозных исканиях в России», где был раскрыт анимистический характер религиозных воззрений писателя. Религию Толстого Плеханов рассматривал здесь в ряду других религиозных исканий этих лет, связывая её тем самым — как и заповедь «не убий» в статье «Симптоматическая ошибка» — с атмосферой упадка общественного настроения после поражения революции 1905 года.

Пафосом критики учения Толстого пронизаны и работы 1910—1911 гг., объединяемые не только хронологией написания, но и проблематикой. Одна из этих статей, «Смещение

готовый простить многое во имя бесцельного движения человечества». Под пером Гиппиус Плеханов превращался в какого-то бернштейннца, который «заботится только о средствах, о движении... неизвестно к чему» («Русская мысль», 1908, № 2, стр. 162—163).

²⁰⁶ Литературное наследие Г. В. Плеханова, сб. VI, стр. 392—393.

²⁰⁷ Сборник не вышел, и статья увидела свет лишь в 1924 году.

представлений», имеет подзаголовок «Учение Л. Н. Толстого», который довольно точно определяет содержание всего цикла. Во всех четырех статьях анализируются и оцениваются преимущественно философия, религия и этика Толстого и лишь отчасти — его художественное творчество.

На это были свои причины, которые станут ясны, если обратиться к прессе двух «толстовских» годов — 1908 и 1910.

Господствующий тон легальной печати (исключая марксистскую) в год юбилея 80-летия и в год смерти Толстого — выпячивание и возвеличивание слабейших сторон его учения. Еще осенью 1908 года П. Струве, один из идеологов молоддой и трусливой буржуазной интеллигенции, всячески превозносил «философский смысл и культурную ценность моральной проповеди Толстого», которая выдвигает на первое место «внутреннюю» реформу человечества и в этом плане является будто бы более научной и плодотворной, нежели учение современного социализма²⁰⁸. Декадент Н. Минский называл тогда же Толстого «первым провозвестником русской реформации, современным русским Лютером» и признавал «религиозный момент в деятельности Толстого самым жизненным и конструктивным»²⁰⁹. По мнению С. Булгакова, Толстой «был прежде всего и даже исключительно религиозным учителем»²¹⁰. Сам М. Ковалевский — председатель Комитета чествования Л. Н. Толстого — выдвигал как наиболее ценное и значительное в деятельности писателя его проповедь непротивления злу силой²¹¹.

Те же фразы о Толстом — совести человечества, великом богоискателе, живом пророке и т. д. — без конца варьировались и в статьях и заметках 1910-го года, только численность их заметно возросла²¹². Как видно из работ Плеханова о Толстом и из подготовительных материалов к ним, он был хорошо знаком с суждениями этого рода²¹³.

Но картина «толстовских» дней 1910 года не только повторяла то, что было в 1908 году. Теперь с идеализацией учения Толстого, наряду с буржуазно-либеральной и декадентской печатью, активно выступила псевдомарксистская публицистика и критика, представленная «Нашей зарей» и «Со-

временным миром» и имевшая известное влияние на круги демократической интеллигенции и рабочих.

На страницах ликвидаторской «Нашей зари», руководимой А. Потресовым, в 1910 году появились две статьи: «Смерть Льва Толстого» М. Неведомского и «Толстой и русская интеллигенция» В. Базарова. В первой из них Толстой именовался «воплощением общечеловеческого идеологического начала — начала совести»²¹⁴, а во второй брались под защиту религия Толстого и теория непротивления, объявлявшаяся «необходимейшей составной частью всякого цельного мирозерцания»²¹⁵.

В журнале «Современный мир» была напечатана статья Н. Иорданского «Лев Толстой и современное общество», где писатель без обиняков назывался «апостолом социальной революции», а его учение относилось к числу «революционных по своему существу» доктрин²¹⁶. Другие материалы, помещенные в журнале в 1910 г., также свидетельствовали о безудержной идеализации толстовства (таков, например, обзор «Толстой в европейской печати», в котором особо выделены те отзывы, где звучит преклонение перед Толстым не только как перед художником, но и перед его философией, перед его религиозным учением, перед Толстым как социальным реформатором и политическим деятелем²¹⁷).

В этих условиях одной из неотложных задач марксистской публицистики становилась борьба против «легенды о Толстом и религии его», как выразился В. И. Ленин в письме к М. Горькому²¹⁸. Ленин и возглавил эту борьбу, написав в 1910—1911 гг. большинство своих статей о Толстом, в которых с классической ясностью и полнотой охарактеризовал противоречия Толстого-художника и мыслителя, раскрыл сильные и слабые стороны его взглядов, объяснил его значение как «зеркала русской революции», революции крестьянской. Примечательно однако, что в работах 1910—1911 гг., по сравнению со статьей «Лев Толстой как зеркало русской

²¹⁴ «Наша заря», 1910, № 10, стр. 7.

²¹⁵ Там же, стр. 51.

²¹⁶ «Современный мир», 1910, № 12, отд. II, стр. 101, 108.

²¹⁷ Там же, стр. 71—73. Позиция этого журнала явилась, видимо, одним из поводов для выступления Плеханова со статьями о Толстом. Один из современников, вспоминая о жизни у Плеханова зимой 1910—1911 гг. в Сан-Ремо (Италия), пишет: «Плеханов был сильно раздражен, что марксисты поддались либеральным утверждениям, будто Л. Толстой является великим мыслителем, «Современный мир» назвал его «учителем жизни», властителем дум и даже святым» (М. Бабин, Письмо в редакцию. — «Группа «Освобождения труда», сб. 2, Госиздат, М., 1924, стр. 356—357).

²¹⁸ См. В. И. Ленин, Полное собрание сочинений, т. 48, стр. 12.

²⁰⁸ «Русская мысль», 1908, № 8, стр. 229.

²⁰⁹ Н. Минский, На общественные темы, СПб., 1909, стр. 246. В своей работе «Евангелие от декаданса» Плеханов приводит одно место из цитируемой статьи Минского «Толстой и реформация» (см. XVII, 297).

²¹⁰ «Московский еженедельник», 1908, № 36, стр. 25.

²¹¹ «Русские ведомости», 1909, № 1, 1 января.

²¹² Более или менее полное представление о них дают сборники «Последние дни Льва Николаевича Толстого» (СПб., 1910) и «Дни нашей скорби» (М., 1911).

²¹³ См. Литературное наследие Г. В. Плеханова, сб. VI, стр. 265.

революции», относящейся к 1908 году, Ленин «уделяет больше внимания отграничению взглядов Толстого от идеологии революционного пролетариата и разъяснению практического вреда, который может принести революции всякая попытка идеализации учения Толстого, всякая попытка оправдания его «непротивленства»²¹⁹.

К периоду 1910—1911 гг. относятся также выступления публицистов ленинской школы — М. Горького, В. Воровского, С. Шаумяна и С. Спандаряна со статьями о Толстом, направленными своим острием против учения Толстого и его идеологов.

В этом русле следует рассматривать и статьи Плеханова, которые после ленинских работ — лучшее, что дала в эти годы марксистская литература о Толстом в России и за рубежом²²⁰. Они сыграли бесспорно положительную роль в борьбе против легенды о Толстом, которую создавала в эти годы либерально-буржуазная и псевдомарксистская публицистика. Это определило положительное отношение к ним В. И. Ленина. В письме М. Горькому 3 января 1911 г. Ленин замечал: «Плеханов тоже взбесился враньем и холопством перед Толстым, и мы тут сошлись. Он ругает за это «Нашу Зарю» в ЦО (следующий номер), я в «Мысли»... В «Звезде» № 1 (вышла в С.-Петербурге 16. XII) есть тоже хороший фельетон Плеханова с пошлым примечанием, за которое мы уже обругали редакцию»²²¹. То, что Ленин и Плеханов сошлись в критике «лицемеров и жуликов», делавших из Толстого «святого», было в данном случае проявлением более широкой общности между большевиками и меньшевиками-партийцами, выступившими в этот период единым фронтом в защиту революционного подполья от ликвидаторов, группировавшихся во-

²¹⁹ Б. Мейлах, Ленин и проблемы русской литературы конца XIX — начала XX вв., Лениздат, 1956, стр. 348.

²²⁰ Вопрос о Толстом широко освещался и социал-демократической прессой на Западе; ему посвятили свои статьи Р. Люксембург, Ф. Меринг, Ш. Раппопорт и др. См. обзоры: Христиана Штульц, Толстой в Германии (1856—1910), «Литературное наследство», т. 75, кн. 2, 1965; Роланд Опитц, Н. И. Якушин, Л. Н. Толстой в оценке социалистической печати Германии начала 1900-х годов.— «Русская литература», 1969, № 4; И. К. Журавлев, Русская литература в оценке социалистических деятелей культуры США (1900—1917).— «Русская литература», 1970, № 3.

Уместно напомнить, что статья Плеханова «Смещение представлений» предназначалась первоначально для «Die Neue Zeit»; её печатание было отложено ввиду публикации в журнале полученной ранее статьи Раппопорта. См. «Группа «Освобождение труда», сб. VI, Госиздат, М.—Л., 1928, стр. 276—286.

²²¹ В. И. Ленин, Полное собрание сочинений, т. 48, стр. 11—12. Ленин имеет в виду статьи Плеханова «Карл Маркс и Лев Толстой» и заметку «Отсюда и досюда».

круг «Нашей зари». Ленин ценил антиликвидаторскую позицию Плеханова и приветствовал её во многих своих работах, в том числе и в упоминаемой в письме М. Горькому статье «Герои «оговорочки», напечатанной в декабре 1910 года в марксистском журнале «Мысль»²²².

Но было бы неправильным, как это делают некоторые исследователи, ограничивать значение работ Плеханова только тем, что относится в них к полемике с В. Базаровым и М. Неведомским²²³. Полемические задачи, стоявшие перед Плехановым, не могли быть, конечно, решены им без обстоятельного анализа учения Толстого; ибо только такой анализ и мог обнаружить вздорность попыток публицистов «Нашей зари» и «Современного мира» «дополнить» Маркса Толстым.

В серии статей 1910—1911 гг. Плеханов поставил главной задачей раскрыть внутреннюю природу и логику учения Л. Н. Толстого. Ведя свой анализ в этом аспекте, он одновременно имел в виду показать теоретическую несостоятельность и практический вред религиозно-этической проповеди писателя. Тем самым доказывалась и неправомерность попыток «соединить» марксизм с толстовством.

В качестве философского стержня учения Толстого, объединяющего все его противоречивые элементы и придающего ему цельность и внутреннее единство, Плеханов рассматривает толстовское противопоставление «конечного» и «бесконечного», «временного» и «вечного», «тела» и «духа». Это противопоставление, по мысли Плеханова, дает ключ к пониманию теоретического содержания и практического смысла доктрины Толстого, а также бросает дополнительный свет на духовную трагедию писателя в последние годы жизни. В свете этой идеалистической метафизики становятся понятными и даже по-своему логичными самые, казалось бы, парадоксальные суждения Толстого (вроде тех, что не нужно противиться «зулу», который пришел изжарить твоих детей, и т. п.). То, что со стороны, то есть с точки зрения обычного здравого смысла или другого — марксистского — мировоззрения представлялось бьющими в глаза противоречиями, взятое «изнутри», понятое в системе взглядов Толстого, оказывалось зачастую вещами совместимыми и непротиворечивыми.

²²² Сближение ленинцев с плехановцами на почве борьбы с ликвидаторами (и, в частности, в вопросе об отношении к учению Толстого) вызвало немедленную реакцию со стороны последних. См. «Беглые заметки» Л. Мартова и статью А. Мартынова «Дань толстовству» («Наша зоря», 1911, № 1, стр. 44—45, № 2, стр. 42).

²²³ См., напр., статью С. В. Воробьева «К вопросу об оценке Г. В. Плехановым мировоззрения Л. Н. Толстого» в сб. «Л. Н. Толстой», Арзамас, 1961, стр. 16.

На теоретической основе противопоставления «вечного» — «временному» и «духа» — «телу», равносильного у Толстого «противопоставлению внутреннего человеческого мира, рассматриваемого под углом нравственных потребностей и стремлений, — окружающему человеку внешнему миру» (XXIV, 198), возникло этическое учение Толстого о непротивлении злу насильем и связанная с ним доктрина нравственного самоусовершенствования. Ибо если внутренний мир человека от внешних условий не зависим, «то и нет никакой надобности влиять на эти условия в интересах внутреннего мира» (XXIV, 199). Положение это доводится Толстым до отказа от прозелитизма, от проповеди своих взглядов, от стремления обратить других людей в свою веру. И хотя в этом случае (как и во многих других) Толстой обеими ногами стоит на почве метафизики и идеализма, он по-своему последователен и логичен. Если же ему случается противоречить себе и делать отступления от своих теоретических построений, то происходит это не из-за недостатка логической силы мышления.

В наших исследованиях часто отмечается, что Плеханов мало ценя Толстого-мыслителя, излишне много говорит о его противоречиях, чуть ли не отказывает ему в способности к логическому мышлению. Это не совсем так. Противоречия, о которых идет речь у Плеханова, — это меньше всего противоречия логики писателя. Его интересует прежде всего одно, главное противоречие — между учением Толстого и жизнью.

Именно потому, что теория Толстого о независимости внутреннего мира от внешнего ложна в своей основе, неистинна и противоречит действительному положению вещей, писатель вынужден прибегать к материалистическому объяснению явлений внутреннего мира (XXIV, 199). Именно потому, что далека от истины и противоречит действительности мысль о ненужности воздействия на внешние условия жизни, Толстой выступает со своим знаменитым «Не могу молчать!». По верному замечанию Плеханова, эти противоречия писателя самому себе имеют только тот смысл, что «Толстой не всегда оставался толстовцем» и что «его противопоставление «вечного» «временному» не выдерживало критики жизни (XXIV, 201).

Дуализм «вечного» и «временного» получил у Толстого, между прочим, выражение в форме противоречия между христиански-аскетическим воззрением писателя на жизнь, преисполненным пренебрежения к «мирскому», к «плоти» («Цель жизни — вне наслаждений», — утверждал он), и его огромной, поистине языческой любовью к жизни, к радости бытия. «Христианин, — пишет Плеханов, — в глазах которого земная жизнь человека является лишь более или менее удобным эта-

пом на пути в царство небесное, боролся в нем с язычником, которому жизнь эта «казалась исполненной смысла» (XXIV, 245—246)²²⁴.

В конечном счете указанные идеи Толстого-метафизика коренятся, согласно анализу Плеханова, в его религиозных воззрениях, в том, как он представлял себе роль и место «конечного» и «временного» человека в бесконечном и вечном окружающем мире. Свой взгляд и свое жизнеощущение Толстой выразил в метафоре: «Я работник, — он хозяин», где «хозяин» синоним бога, без которого человек чувствует себя «выпавшим из гнезда птенцом», явившимся в мир «без всякого повода, причины и смысла» («Исповедь»). «Толстому всегда была близка основа не только христианского, но и всякого вообще религиозного мирозерцания: анимистический взгляд на отношение «конечного» к «бесконечному» (XXIV, 188).

На анимистический характер религии Толстого Плеханов указал первый раз в работе «О так называемых религиозных исканиях в России». Его выводы пытались оспорить псевдомарксисты Н. Иорданский и В. Базаров, утверждавшие, что Толстой всегда боролся с верой в сверхъестественное, сверхчеловеческое начало²²⁵ и что он «впервые объективировал, т. е. создал не только для себя, но и для других, ту чисто человеческую религию, о которой Кант, Фейербах и другие представители современной культуры могли только субъективно мечтать»²²⁶. «Даже ревизионистам, — писал по этому поводу Плеханов, — пора понять, что всякие толки о «чисто человеческой религии» суть чистые пустяки». «Религия, — говорит Фейербах, — есть бессознательное самосознание человека». Этой бессознательностью обусловливается не только существование религии, но и «вера в сверхчеловеческое начало». Когда бессознательность исчезает, тогда вместе с нею падает вера в это начало, а в то же время и возможность существования религии» (XXIV, 230).

²²⁴ В работах некоторых исследователей этому положению придается значение, какого оно не имеет в общей концепции Плеханова: так, явным преувеличением выглядит утверждение М. М. Розенталя, будто «противоречие между аскетизмом и жизнью, между христианством и язычеством — вот та основная черта, которая характеризует, по Плеханову, творчество и учение Толстого». См. его кн. «Вопросы эстетики Плеханова», Гослитиздат, М., 1939, стр. 115. Вместе с тем противоречие это было настолько очевидным, что вряд ли можно говорить в данном случае о влиянии на Плеханова книги Д. Мережковского «Толстой и Достоевский» (см. Б. И. Бурсов, Л. Н. Толстой. Семинарий, Учпедгиз, Л., 1963, стр. 25).

²²⁵ «Современный мир», 1910, № 12, отд. II, стр. 93.

²²⁶ «Наша заря», 1910, № 10, стр. 48.

Указанное решение проблемы «конечного» и «бесконечно-го», «временного» и «вечного» не было для Толстого, как показал Плеханов, вопросом отвлеченного умозрения. Оно глубоко захватывало всё его существо, неразрывно связываясь с мучившим его страхом смерти. Касаясь этой стороны дела в статье «Толстой и природа», Плеханов отметил еще одно противоречие в мировоззрении, точнее — в мироощущении Толстого. Это — индивидуалистический ужас перед мыслью о смерти, о неизбежной необходимости слиться с природой, раствориться в ней после смерти и радостное, «языческое сознание своего единства с природой». Трагическая диалектика состояла в том, что «Толстой,— по крайней мере в известную эпоху своей жизни,— сильнее всего испытывал ужас перед смертью именно тогда, когда больше всего наслаждался сознанием своего единства с природой» (XXIV, 251).

Разбирая взгляды и противоречия Толстого, Плеханов выдвинул интересное в логическом и психологическом отношении объяснение душевной трагедии писателя, живая душа которого билась в путях его мертвящей доктрины. Сердце Толстого, по выражению критика, было лучше его доктрины. И он, вопреки букве и духу своего учения, то и дело покидал страну квиетизма, устремляясь на помощь голодающим, возвышая свой голос против смертных казней и т. д. «Противопоставление «временного» «вечному» привело к тому,— глубоко замечает Плеханов,— что он должен был одинаково страдать как тогда, когда он следовал велениям «вечного», так и тогда, когда служил «временному». В первом случае он упирался в жестокость, с которой не мог примириться; во втором — не мог найти нравственную санкцию для тех услуг, которые он оказывал людям. В обоих случаях он должен был считать себя непоследовательным и слабым в борьбе с соблазнами. И в обоих случаях он должен был тяжело мучиться сознанием своей слабости и непоследовательности» (XXIV, 208—209). Эти замечания Плеханова проливают свет на один из внутренних источников драмы Толстого в последние годы его жизни, драмы, ярко отразившейся как в поведении, так и в творчестве писателя.

Как уже отмечалось, Плеханов видел прямую связь между теоретической основой учения Толстого, какой было противопоставление «конечного» и «бесконечного», «временного» и «вечного», и практической сущностью этого учения — доктриной непротивления злу и нравственного самоусовершенствования. В этой доктрине, по мнению Плеханова, наиболее рельефно сказались отвлеченный характер взглядов Толстого, та его «абсолютная последовательность» метафизика, кото-

рой так восхищался М. Неведомский²²⁷. Отсутствие исторического взгляда на вещи, нежелание понять относительный характер понятий добра и зла заставляют Толстого выступить с евангельской заповедью «не убий», равно обращенной к угнетателям и к революционерам, с провозглашением личного совершенствования как единственного пути к изменению несправедливости этого мира.

В брошюре «К рабочему народу», выражая эту сторону своих общественных и этических взглядов, Толстой писал: «Нет ничего вреднее для людей той мысли, что причины бедственности их положения не в них самих, а во внешних условиях. Стоит только человеку или обществу людей вообразить, что испытываемое им зло происходит от внешних условий, и направить свое внимание и силы на изменение этих условий, и зло будет только увеличиваться. Но стоит человеку или обществу людей искренно обратиться на себя и в себе и своей жизни поискать причины того зла, от которого он или оно страдает, и причины эти тотчас же найдутся и сами собою уничтожатся»²²⁸.

В статье «К психологии рабочего движения», в цикле работ 1910—1911 гг. и в более поздней работе «Толстой и Герцен» (1912) Плеханов со всей ясностью показал утопический характер этих идей Толстого и неизлечимую бесплодность предлагаемых им средств борьбы с общественным злом.

Он подчеркнул, в частности, теоретическую несостоятельность толстовской антиномии: или переустройство общественных отношений или нравственное совершенствование личности. И для русских материалистов 40—60-х годов (Герцена, Чернышевского и их единомышленников), и для марксистов, по мнению Плеханова, одно не исключало другого: для них переделка общественного строя была лишь средством достижения последней цели, то есть всестороннего, а, между прочим, также и нравственного развития личности. «Кроме того,— замечал Плеханов,— само требование общественного устройства, как предварительного условия всестороннего, а, следовательно, и нравственного развития личности, предполагает сочувствие к людям, тем самым предполагает известную высоту нравственного развития сочувствующего.

²²⁷ «Наша заря», 1910, № 10, стр. 9. Называя Толстого-публициста чистокровным метафизиком, Плеханов оговаривался: «Прошу заметить, что я говорю о приемах его мысли, а не о приемах его творчества. Приемы его творчества были совершенно чужды указанного недостатка» (XXIV, 216).

²²⁸ Л. Н. Толстой, Полн. собр. соч., т. 35, Гослитиздат, М., 1950, стр. 147—148.

И чем энергичнее борется человек за осуществление своего общественного идеала, чем больше самоотверженности обнаруживает он в такой борьбе, тем выше поднимается он на лестнице нравственного развития»²²⁹.

Будучи неверным теоретически, положение Толстого о бесплодности социальных преобразований и спасительности нравственного совершенствования приносило в реальной исторической обстановке 900-х годов глубокий вред. Плеханов прямо связывал активизацию идей такого рода с общественной атмосферой реакционного периода, наступившего после поражения первой русской революции. «Это старая песня, — писал он в апреле 1911 года. — В эпохи общественного подъема усиливается вера в творческую силу общественных реформ; в эпохи общественного упадка распространяется уверенность в том, что не изменением общественных форм можно поднять жизнь на высшую ступень, а единственно правильным устроением каждого отдельного духа» (XXIII, 110). Плеханов критиковал этот круг идей и до и после написания статей о Толстом: в рецензиях на книги М. Гершензона, в парижской лекции «Толстой и Герцен» и т. д. Для него был несомненен объективно-реакционный характер этих идей, от кого бы они ни исходили. Именно объективную роль учения Толстого о непротавлении злу насилем в годы реакции Плеханов имел в виду, когда писал: «Нравственно-религиозная проповедь гр. Толстого является теперь, при нынешних обстоятельствах, лишь переводом на мистический язык «реалистической» политики г. Милюкова» (XXIV, 233).

В результате исследования учения Л. Н. Толстого Плеханов приходил к выводу, что по всем основным линиям (в вопросе о соотношении сознания и бытия, в отношении к религии, в вопросах общественной и личной этики и т. д.) — оно представляет собою прямую противоположность учению современного материализма и социализма. Это положение особенно подробно обосновано им в статьях «Смещение представлений» и «Карл Маркс и Лев Толстой». Проанализировав и отвергнув здесь одно за другим толстовские решения философских, общественных и этических проблем, Плеханов противопоставил им правильные решения, даваемые этим проблемам диалектическим материализмом и научным социализмом. Из этого противопоставления сам собой вытекал также актуальный для тех дней вывод о том, что «дополнять» Маркса Толстым и «соединять» марксизм с толстовством могут только неисправимые эклектики и представители «революционного декаданса», как называл Плеханов ликвидаторов из «Нашей зари».

²²⁹ Литературное наследие Г. В. Плеханова, сб. VI, стр. 8—9.

Однако все сказанное не означает, что Плеханов не находил в деятельности Толстого-публициста и проповедника ничего положительного. Хотя фигура Толстого-критика и обличителя и выглядит у него мельче её действительных размеров, он вовсе не зачеркивает критических и даже социалистических элементов его учения²³⁰. Неверно поэтому распространное мнение, будто Плеханов полностью отвергает Толстого-мыслителя и приемлет лишь Толстого-художника. В действительности все это сложнее и заслуживает более обстоятельного рассмотрения.

Вопрос о том, как решал Г. В. Плеханов проблему соотношения мысли и творчества Льва Толстого, уже не раз привлекал внимание исследователей. Давняя традиция изображает дело так, будто Плеханов, проводя грань между Толстым-мыслителем и Толстым-художником, делил мысль и творчество писателя на два самостоятельных потока, не имеющих между собой ничего общего, причем силу Толстого видел в его художественном творчестве, а слабость — в его мысли.

«Плеханов резко отвергает Толстого-христианина, Толстого-мыслителя и проповедника и принимает Толстого-язычника, Толстого-художника. Именно этот смысл приобретает у Плеханова знаменитая формула «отсюда и досюда», — писал в 1931 году Г. Ленобль в статье «Плеханов и Ленин о Толстом». По его словам, Плеханов разделил всю толстовскую деятельность «на две разноценные и ничего общего друг с другом не имеющие части»²³¹.

Этой точки зрения в последнее время придерживались С. П. Бычков, М. А. Лифшиц, Б. И. Бурсов и другие исследователи и критики²³².

Как это могло произойти, что Плеханов, который вслед за Белинским рассматривал искусство как мышление в образах, который поправлял Л. Толстого (в «Письмах без адреса») как раз в том смысле, что искусство выражает не только чувства, но и мысли людей, — стал отделять «мировоззрение Толстого от его творчества непроходимой границей»²³³? Что это — одно

²³⁰ Такое представление о позиции Плеханова пытался создать П. Струве (Петр Струве, *Patriotica*, СПб., 1911, стр. 516).

²³¹ «Молодая гвардия», 1931, № 13—14, стр. 124. См. также Н. Глаголев, Ленин и Плеханов о Толстом. — «На литературном посту», 1931, № 20—21, стр. 6.

²³² См. С. Бычков, Толстой в оценке русской критики. — Сб. «Л. Н. Толстой в русской критике», Гослитиздат, М., 1960, стр. 41—42; М. Лифшиц, По поводу статьи И. Видмара «Из дневника». — «Новый мир», 1957, № 9, стр. 222; Б. И. Бурсов, Л. Н. Толстой. Семинарий, Учпедгиз, Л., 1963, стр. 367—368.

²³³ М. Кораллов, Роза Люксембург — литературный критик. — В кн.: Роза Люксембург о литературе. Гослитиздат, М., 1961, стр. 48.

из тех бесчисленных противоречий, которых в работах Плеханова о Толстом, как без тени юмора заметил один литературовед, не меньше, чем у самого Толстого²³⁴, или просто результат поверхностного прочтения плехановских статей?

Неоднократные высказывания самого Плеханова (вроде: «Я считаю его гениальным художником и крайне слабым мыслителем», «Я имею в виду Толстого-мыслителя, а не Толстого-художника» и т. п.) как будто подтверждают справедливость первого предположения. Но если исходить не из этих лапидарных формул (имевших в устах Плеханова совершенно определенное значение, отличающееся от общепринятого ныне), а из общего содержания и смысла его статей о Льве Толстом, то придется признать, что принятое толкование плехановской точки зрения ошибочно по крайней мере в одном отношении. Проводя черту между Толстым-мыслителем и Толстым-художником, он вовсе не хотел сказать и не сказал, что мысль и творчество писателя никак не связаны между собой. И не этот смысл имеет формула «отсюда и досюда».

Как возникла эта формула и зачем Плеханову понадобилось отграничивать Толстого-мыслителя от Толстого-художника? И что, собственно, понимал Плеханов под словами «Толстой-мыслитель»?

Напомним в этой связи некоторые обстоятельства дела. Как известно, поводом для статьи «Отсюда и досюда», открывающей серию работ Плеханова 1910—1911 гг. о Льве Толстом, послужил фельетон Notunculus'a (Заславского Д. И.) «Вразбродъ», в котором объявлялись сухими педантами и осуждались люди, любящие Толстого «отсюда и досюда»²³⁵. Фельетон этот привлёк внимание Плеханова не случайно. В нем выражалось характерное для «толстовских» дней 1908 и 1910 гг. стремление многих публицистов и критиков принять «всего» Толстого без разграничения сильных и слабых сторон его деятельности²³⁶.

В дни юбилея 1908 года на таком подходе к Толстому настаивал, например, В. Кранихфельд. «По традиции, установленной Н. К. Михайловским, — говорил он в статье «От великого барина к великому мужику», — Толстого принято рассматривать как некоего двуликого Януса, одно лицо которого

молитвенно обращено к небу, в то время как другое жадными глазами устремлено к греховным переживаниям земли. На самом деле это не так... Я не могу отделить в своем сознании Толстого-художника от Толстого-мыслителя, не могу мыслить этого необыкновенно цельного человека состоящим из двух, да к тому же ещё и неравноценных половинок»²³⁷.

То же самое писал один из кадетских публицистов (В. Набоков) в дни после смерти Толстого: «До настоящего времени очень распространено мнение, отделяющее резкой чертой «шуйцу» Толстого от его «десницы», Толстого-моралиста от Толстого-художника. И если второму раздают единодушную хвалу и честь, то первого принимают лишь с отдельными оговорками. Между тем мировое значение Толстого — именно в этом неразделимом сочетании гениального художника и великого мыслителя, носителя высших, недостижимых нравственных идеалов»²³⁸.

21 октября 1908 года приват-доцент Сперанский прочел в зале Тенишевского училища лекцию на тему: «Л. Н. Толстой как художник и мыслитель». «Лектор по преимуществу доказывал, — читаем в отчете, — что Толстой неделим, что Толстой-художник и Толстой-мыслитель шли всё время нераздельно»²³⁹. Возражая тем, кому «кажется, что у Толстого наступил разлад художника и мыслителя», другой автор в юбилейной брошюре писал, что «между художником-Толстым и между Толстым-мыслителем по содержанию главных мотивов нет никакого разлада»²⁴⁰.

А. В. Луначарский высказывает то же положение в статье «Смерть Толстого и молодая Европа»: «Толстой-художник не отделим от Толстого-мыслителя... Его — художественные произведения все сплошь суть морально-философские трактаты»²⁴¹. На эту тему и почти в тех же словах и выражениях пишут А. Кадлубовский, Е. Колтоновская и многие другие²⁴².

²³⁷ «Современный мир», 1908, № 9, стр. 192, 220—221. На такой же точке зрения, как и В. Кранихфельд, стоял Н. Иорданский в статье «Лев Толстой и современное общество», где утверждалось, что «ни мысль, ни чувство художника не делимы» и что «Толстой всегда был верен себе, писал ли он «Войну и мир» или «Рабство нашего времени», «Смерть Ивана Ильича» или «В чем моя вера?» — «Современный мир», 1910, № 12, отд. II, стр. 90.

²³⁸ Последние дни Льва Николаевича Толстого, СПб., 1910, стр. 174—175.

²³⁹ «Известия Вольфа», 1908, II, стр. 159.

²⁴⁰ Азферт (Ашкинази М. А.), Делатель жизни (по поводу 80-летнего юбилея Л. Н. Толстого), Харьков, 1908, стр. 5—7.

²⁴¹ «Новая жизнь», 1911, № 21 (январь), стр. 219.

²⁴² А. П. Кадлубовский, Художник и моралист в Л. Н. Толстом, Харьков, 1911, стр. 4; Е. А. Колтоновская, Критические этюды, СПб., 1912, стр. 224.

²³⁴ Н. Р. Верхось, Плеханов о Льве Толстом, Труды Юго-Осетинского педагогич. ин-та, 1957, т. IV, стр. 79.

²³⁵ «Киевская мысль», 1910, № 311, 10 ноября.

²³⁶ Тот же Notunculus в предыдущем номере газеты писал: «Чем дорог был Толстой нам, живым современникам? Конечно, он был дорог и как художник, и как философ, и как моралист. Но он таким останется и для потомства» («Киевская мысль», 1910, № 310, 9 ноября, заметка «Великая мера»).

Эта тенденция, суть которой состояла в попытке «реабилитировать» самые слабые стороны учения Толстого, наметилась еще в 80-е годы²⁴³. В 1908—1910-х годах она имела уже всеобщий характер. В 1911 году один из обозревателей, имея в виду юбилейную и посмертную прессу, отмечал: «Отрицание шуйцы и десницы в жизни и мысли Толстого, провозглашенных и упроченных Н. К. Михайловским — главный общий тон статей, у одних резко подчеркнутый, у других безмолвно признаваемый»²⁴⁴. На страницах потресовской «Нашей зари» «почитай что марксист». В. Базаров с удовлетворением констатировал, что «наша интеллигенция... единодушно признала Толстого — всего Толстого — своей совестью»²⁴⁵.

На этом фоне становится ясной позиция Плеханова. В противовес тем, кто ставил знак равенства между Толстым-художником и Толстым-мыслителем и публицистом (у Плеханова это синонимы), с явным или скрытым намерением возвеличить заслуги последнего, он разграничил эти две стороны деятельности писателя и выдвинул формулу «отсюда и досюда», означавшую не что иное, как неприятие наиболее утопических и реакционных черт толстовства.

Это означало возвращение к традиции демократической критики 70—80-х годов — разграничивать в деятельности Толстого «десницу» и «шуйцу», то есть сильные и слабые стороны, — к традиции, против которой в 1908—1910 гг. единым фронтом выступили и либерально-буржуазные и псевдомарксистские критики и публицисты, заменившие критическое отношение к учению Толстого почтительными поклонами по его адресу.

В первой же статье цикла, «Отсюда и досюда», Плеханов пишет: «Прежде, скажем в эпоху покойного Н. Михайловского, Толстого любили передовые русские люди именно только «отсюда и досюда». И это было гораздо лучше» (XXIV, 185). Очевидно, что в данном случае он имел в виду не просто «эпоху» Н. Михайловского, но и знаменитую статью критика «Десница и шуйца Льва Толстого» (1875), в которой впервые была выдвинута и развернута мысль о противоречиях мировоззрения и творчества писателя, а также последующие статьи Михайловского («Еще о гр. Л. Н. Толстом» и «Опять о Толстом», 1886), содержавшие критику теории непротивления злу насилием. В другой работе, касаясь вопроса о различном отношении к проповеди Толстого в 70—80-е и в 1908—1910-е годы,

²⁴³ См. Р. А. Дистерло, Граф Л. Н. Толстой как художник и моралист, СПб., 1887, стр. 41—43.

²⁴⁴ М. Морозов, Очерки новейшей литературы, СПб., 1911, стр. 223—224.

²⁴⁵ «Наша заря», 1910, № 10, стр. 43.

Плеханов замечал: «ему сперва возражают (Михайловский и др.), а потом перестают возражать и ограничиваются рукоплесканиями» (XXIV, 205)²⁴⁶.

Но это не означало у Плеханова (как, впрочем, и у Михайловского²⁴⁷) стремления отделить, обособить мысль писателя от его творчества, провести водораздел между ними. Он прекрасно отдавал себе отчет в том, что одни и те же — сильные и слабые — стороны взглядов, мировоззрения Толстого отразились (хотя и с разной силой) как в проповеди Толстого-мыслителя, так и в его художественном творчестве.

Доказательства этому — в каждой плехановской статье о Толстом. Приведем самые характерные.

В критическом этюде «Толстой и природа» (1908) Плеханов пишет, что индивидуализм Толстого «наложил глубочайшую печать как на его художественные произведения, так и, в особенности, на его публицистические взгляды» (XXIV, 252). В статье «Еще о Толстом» (1911) прямо сказано: «религиозные искания великого художника наложили яркую печать на стремления Пьера Безухова в «Войне и мире», а христианское пренебрежение к грешным «мирским» интересам человечества выразилось в эгоистическом чудачестве Константина Левина в «Анне Карениной» (XXIV, 246).

В повести «Холстомер» Плеханов находил отражение учения Толстого о собственности (XXIV, 213), в повести «Божеское и человеческое» — характерное для Толстого отрицательное отношение к революционному насилию и революционерам (XV, 350). «Толстой в таких своих произведениях, как «Смерть Ивана Ильича» или «Хозяин и работник», без всякого сомнения, хотел изложить те же самые взгляды, к которым он пришел, размышляя над «смыслом жизни» (V, 312), — замечает Плеханов в работе «Н. Г. Чернышевский» (1909), имея в виду взгляды писателя, выраженные в его философско-религиозных трактатах.

²⁴⁶ «Другие», упомянутые Плехановым, — это скорее всего Н. В. Шелгунов, воевавший с толстовской «философией застоя» и непротивления в своих критических работах и «Очерках русской жизни», и П. Л. Лавров, статья которого «Старые вопросы (Учение графа Л. Н. Толстого)», напечатанная в «Вестнике Народной воли» в 1886 году, была, по-видимому, известна Плеханову. В БДП хранится № 5 этого издания с лавровской статьей, но без помет (шифр Л. 12149).

²⁴⁷ Михайловский не разделял ходячей репутации Толстого «как из ряду вон выходящего беллетриста и как плохого мыслителя». «Десница» и «шуйца» — это сильные и слабые, с точки зрения Михайловского, стороны мировоззрения Толстого; «Анна Каренина», например, относится им к «шуйце», а статья «Прогресс и определение образования», отличающаяся «редкою трезвостью, ясностью и силою мысли» — в основном к «деснице». — Н. К. Михайловский, Полн. собр. соч., т. III, стр. 427—428, 491—494.

Как не раз подчеркивает Плеханов, «уже в ранних произведениях Толстого очень нередко встречаются зародыши тех мыслей, из совокупности которых составилось впоследствии его нравственно-религиозное учение» (XXIV, 221; см. также XXIV, 234): так, религиозные воззрения и настроения молодого Толстого отразились в «Детстве» (XXIV, 245—247), а в «Юности» — одна из руководящих идей Толстого-моралиста о независимости счастья человека от «внешних причин» (XXIV, 234).

Нельзя согласиться с тем, что Плеханов говорит о Константине Левине (ибо в этом образе отразились не только религиозные, но и глубочайшие социальные искания Толстого), и с пониманием художественного творчества как «изложения взглядов» писателя (ибо оно не сводимо ни к какой сумме взглядов), — тем не менее из сказанного явствует, что деятельность Толстого-мыслителя и художника Плеханов считал единой по существу её содержания.

Проводивший грань между Толстым-художником и Толстым-мыслителем Плеханов, таким образом, решал вопрос о соотношении творчества и мысли писателя (если иметь в виду чисто теоретическую сторону дела) так же, в общем, как и те, кто твердил о «неделимости» Толстого. Но у последних тезис о «неделимости» служил, как правило, предлогом для идеализации толстовства. Плеханов, главной задачей которого была борьба против толстовского учения, действительно «делит» Толстого. Но граница деления проходит у него не там, где её обычно видят.

Если в самом общем виде определить то, что получается у Плеханова в результате деления, это будет художественное творчество Толстого, с одной стороны, и его учение — с другой. Не мысль, не мировоззрение, а учение. Понятие «Толстой-мыслитель» не охватывает у Плеханова всего мировоззрения Толстого, а включает лишь то, что принято называть толстовством (доктрина непротivления злу насилем, утопическая программа нравственного самоусовершенствования, положение о противоположности «вечного» и «временного», духа и тела и т. п.). Вот почему, как равнозначные с этим, он употребляет понятия «Толстой-публицист» (в письме к В. Водовозову), Толстой — «учитель жизни» (XXIV, 233) и Толстой — «толстовец» (XV, 350).

Понятие «Толстой-мыслитель» совпадает у Плеханова, в общем, с понятием «учение Толстого». И когда он проводит грань между Толстым-художником и Толстым-мыслителем, говорит о слабости и ограниченности последнего, то это означает у него неприятие учения Толстого, которое (в отличие от романов и повестей, хотя и проникнутых отчасти теми же

идеями, но, наверное, никого не сделавших толстовцами) приносило в этот период, по словам В. И. Ленина, «самый непосредственный и самый глубокий вред»²⁴⁸.

Как уже говорилось, вся серия статей Плеханова в целом направлена против реакционных и утопических черт учения и шире — мировоззрения — Толстого и против легенды о Толстом как учителе жизни, которую усердно разрабатывал почти весь фронт реакционной и либерально-буржуазной критики и полумарксисты, подвизавшиеся на страницах «Нашей зари» и «Современного мира».

При всем том формула «отсюда и досюда» не означает у Плеханова безоговорочного отрицания Толстого-мыслителя, его моралистической проповеди. Этот принцип распространяется им и на Толстого-проповедника, в деятельности которого он находит не только слабые, но и сильные стороны.

Как не приемлет Плеханов в романах Толстого то, что восходит к его нравственно-религиозному учению, так ценит он в философско-религиозных трактатах и в публицистике писателя («Исповедь», «В чем моя вера?», «Не могу молчать!» и др.) критические и социалистические элементы. В каждой из статей цикла 1910—1911 гг., наряду с противоречиями между Толстым-художником и Толстым-мыслителем и «учителем жизни» (первый — язычник и диалектик, второй — христианин и метафизик), Плеханов констатирует противоречия мысли писателя, такие положения, когда «Толстой перестает быть толстовцем» (XXIV, 220).

«Сила Толстого в обличении»²⁴⁹, — подчеркивал Плеханов и в своих работах 1910—1911 гг. хорошо осветил эту сторону в деятельности автора «Исповеди». Уже в первой статье, открывающей «толстовский» цикл, критик пишет, что передовые люди ценят в Толстом писателя, который «глубоко почувствовал... неувлеченность нынешним общественным строем» и «воспользовался своим огромным художественным

²⁴⁸ В. И. Ленин, Полное собрание сочинений, т. 20, стр. 104.

Делал такое различие между Толстым-художником и Толстым-мыслителем и проповедником и С. Шаумян: так, в статье «Недоумение читателя» (1910) он выступает против тех, кто оплакивал «в лице Толстого не только и даже не столько великого писателя, художника и т. д., сколько великого мыслителя и учителя жизни», создателя надуманной религии и учения о непротivлении злу. Это не помешало Шаумяну увидеть, что и в «Войне и мире», и в «Анне Карениной» и в других, даже самых ранних, его произведениях имеются многие элементы учения Толстого — и не помешало потому, что он, так же как и Плеханов, употреблял слова «Толстой-мыслитель» в совершенно определенном смысле, подразумевая нравственно-религиозное учение писателя (С. Шаумян, Литературно-критические статьи, Гослитиздат, М., 1955, стр. 23, 30).

²⁴⁹ Литературное наследие Г. В. Плеханова, сб. VI, стр. 265.

талантом для того, чтобы наглядно, хотя, правда, только эпизодически, изобразить эту неудовлетворенность» (XXIV, 193—194).

Еще более определенно об этом сказано в двух последующих статьях: «Смешение представлений» и «Карл Маркс и Лев Толстой».

«Лучшие страницы в сочинениях того периода деятельности Толстого, который можно назвать религиозным периодом, — говорится в первой из них, — посвящены изображению и разоблачению многочисленных физических и нравственных зол, порождаемых собственностью, основанной на эксплуатации одного общественного класса другим. И несомненно, что эти лучшие страницы привлекли к нему горячее сочувствие многих и многих читателей. Пролетариат чит в Толстом, едва ли не главным образом, автора этих замечательных страниц» (XXIV, 212). Но «когда Толстой писал эти страницы, он переставал быть толстовцем», — замечает Плеханов, и «пролетариат, может быть сам того не зная, уважает в Толстом не того человека, который учил жизни, а того, который отказывался от своего учения о жизни» (XXIV, 212).

«Значение толстовской проповеди, — говорит Плеханов в другой статье, — заключалось не в её нравственной и не в её религиозной стороне. Оно заключалось в ярком изображении той эксплуатации народа, без которой не могут существовать высшие классы» (XXIV, 230). Говоря о таких сочинениях и выступлениях Толстого, как «Царство божие внутри вас», «Какова моя жизнь?» и «Не могу молчать!», в которых изображались истязания и казни крестьян, Плеханов пишет: «Он проповедует непротivление злу насилем, а те его страницы, которые подобны только что указанным мною, будят в душе читателя святое стремление выставить против реакционного насилия революционную силу. Он советует ограничиться оружием критики, а эти его превосходные страницы безусловно оправдывают самую резкую критику посредством оружия. Вот что — и только это — дорого в проповеди гр. Л. Толстого» (XXIV, 231).

Критический и обличительный пафос публицистических выступлений Толстого привлек к нему «горячее сочувствие многих и многих читателей» (XXIV, 212), в том числе из рабочей среды; «написанная великим художником яркая картина совершаемых палачами жестокостей возбудила против правительства общественное мнение и тем несколько увеличила шансы нового подъёма у нас революционного движения» (XXIV, 220). Во всем этом Плеханов видел «огромную гражданскую заслугу» Толстого (XXIV, 231), положительное значение его моралистической проповеди.

Всячески оттеняя противоположность между мирозерцанием Карла Маркса и мирозерцанием Льва Толстого, выступая против «смешения представлений», то есть против смешения учения Толстого с учением современного социализма, Плеханов отнюдь не отрицал известной близости Толстого-мыслителя и проповедника к социализму вообще. Конечно, речь шла не о новейшем научном социализме, а о старом, утопическом социализме: так, в своем учении о собственности Толстой, по замечанию Плеханова, «кончает тем, что переходит на социалистическую точку зрения» (XXIV, 212), иной раз обнаруживая близость, например, к народническому утопическому социализму²⁵⁰. В своих обличениях Толстой часто «аргументировал почти как социалист», выдвигая в качестве главного довода своего отрицательного отношения к господствующим классам довод об эксплуатации человека человеком, что «доказывает сильное влияние на него социализма» (XXIV, 246).

Вопрос о воздействии на Толстого идей утопического социализма Плеханов специально разобрал в работе 1912 года «Толстой и Герцен». Он нашел большое сходство между взглядами Толстого и взглядами Герцена на проблему преступления и наказания. Эту близость он объясняет тем, что Толстой, выступая с заповедью «не убий», исходил не столько из евангелия, сколько из учения социалистов-утопистов XIX века, на которое опирался в своих взглядах на вопросы нравственности и Герцен. Если, по Плеханову, «в известных пределах учение Толстого вполне совпадает с учением социалистов», то произошло это потому, что «Толстой в толковал известные мысли в евангелие под влиянием великих социальных идей нашего времени»²⁵¹.

Впрочем, Плеханов тут же указывал, что если «учение Герцена о нравственности содержит в себе всю истину толстовской теории непротivления злу насилем» (XXIII, 410), то «в учение Толстого вошла далеко не вся та истина, которая содержалась в социалистической теории преступления... Учение Толстого — неполная истина, а неполная истина, выдающая себя за полную, — заблуждение»²⁵², — заключал критик. В пояснение и развитие этой мысли он писал: «Следует не бить преступников, а предупреждать их появление. Это так. В этом Толстой согласен с Герценом. Но как предупредить? Тут-то и начинается чрезвычайно важное, существенное разногласие. Герцен говорит: причина преступности лежит в дурном

²⁵⁰ Литературное наследие Г. В. Плеханова, сб. VI, стр. 256.

²⁵¹ Литературное наследие Г. В. Плеханова, сб. VI, стр. 5—6, 8.

²⁵² Там же, стр. 8.

устройстве общественных отношений. Толстой учит: царство божие внутри вас. Один умозаключает к переустройству общества, другой — к нравственному улучшению отдельных лиц»²⁵³.

Исследование учения Л. Н. Толстого, предпринятое Плехановым в работах 1910—1911 гг., охватывает, таким образом, и слабые и сильные стороны мировоззрения писателя. В обстановке общественно-литературной реакции тех лет это позволило ему дать отпор как апологетам толстовства из числа псевдомарксистов «Нашей зари» и «Современного мира», выдававшим слабость Толстого за его силу, так и публицистам буржуазно-либерального и декадентского направления, игнорировавшим силу и мощь толстовского обличения.

Эти работы ясно показывают также, что Плеханов хорошо видел и неоднократно констатировал связь между мыслью, мировоззрением и творчеством Льва Толстого, а если все же проводил известную черту между Толстым-художником и Толстым-мыслителем, то это значило не деление толстовской деятельности на две части, «ничего общего друг с другом не имеющие», а вызванное условиями общественно-литературной борьбы отграничение утопического и реакционного учения Толстого от его художественного творчества, — отграничение, к какому прибегали в этот период и С. Шаумян, и М. Горький²⁵⁴, и В. Воровский²⁵⁵, и С. Спандарян²⁵⁶.

Плеханов анализировал и оценивал учение Толстого с точки зрения марксистского понимания тех теоретических и практических проблем, которые находил у мыслителя. В условиях борьбы вокруг Толстого в 1908—1911 гг. такой подход был в какой-то мере неизбежен и необходим, поскольку нужно было показать, что в основе своей толстовское учение «принадлежит к области идеологии, совершенно несовместимой

²⁵³ Там же.

²⁵⁴ Как и Плеханов, М. Горький получил приглашение от Комитета по устройству чествования Толстого и ответил на него отказом. «Граф Лев Толстой — гениальный художник, наш Шекспир, может быть», — писал он С. А. Венгеру в июле 1908 года и, мотивируя свой отказ, указывал на реакционность толстовской проповеди (М. Горький, Собр. соч., в 30-ти томах, т. 29, Гослитиздат, М., 1955, стр. 74). Имея в виду это и другие аналогичные суждения Горького о Толстом, С. Бычков замечает: «Восторгаясь Толстым-художником, Горький находил резкие слова для оценки его учения, он неустанно разоблачал колоссальный вред для освободительного движения его непротивления злу». Но то, что считается правильным у Горького, осуждается исследователем у Плеханова, квалифицируется как отступление «от диалектики к метафизике и схоластике». Сб. «Л. Н. Толстой в русской критике», Гослитиздат, М., 1960, стр. 42, 47—48.

²⁵⁵ В. Воровский, Литературная критика, М., 1971, стр. 231—232.

²⁵⁶ С. Спандарян. Статьи, письма и документы. Госполитиздат, М., 1958, стр. 125—127.

с идеологией пролетариата» (XXIV, 231). Правомерен был — в рамках этой задачи — и прием сопоставления учения Толстого с учением научного социализма. В. И. Ленин, например, не находил ничего странного в том, что Каутский в статье «Толстой и Brentano» сопоставлял с современным научным социализмом учение Л. Толстого и буржуазную экономику²⁵⁷. Но такой подход был недостаточен²⁵⁸, ибо при этом оставалось в тени реальное историческое содержание как учения в целом, так и составляющих его противоречивых элементов.

В марксистской литературе начала века учение Толстого с его реакционно-утопическими и критическими моментами, взятыми в их формально-теоретическом выражении, оценивалось примерно одинаково. Разногласия намечались именно по вопросу о реальном смысле и значении деятельности Толстого-мыслителя и художника, о том, идеологии какого класса современного общества она соответствовала.

Правильный ответ на этот вопрос дан был лишь в статьях В. И. Ленина, где была определена та социальная точка зрения, на которой стоял мыслитель и которая очерчивала его идеологический горизонт. Для Толстого такой социальной призмой, сквозь которую он смотрел с конца 70-х годов на русскую жизнь, была точка зрения патриархального крестьянства. Это открытие позволило Ленину разглядеть за наивно утопической, подчас реакционной формой высказываний Толстого глубокое демократическое и революционное содержание. Отсюда — ленинская постановка проблемы «Лев Толстой как зеркало русской революции»²⁵⁹.

В статьях Плеханова получила четкое выражение другая тенденция. Поставив вопрос о социальном содержании деятельности Толстого-мыслителя и художника, Плеханов решал его на уровне не столько марксистской, сколько позитивистской социологии. От непосредственного социального бытия художника он заключал к его психологии и идеологии. Но такое понимание вещей свойственно было, например, еще критикам «субъективной школы», которые отнюдь не чурались категории классовости в её позитивистском варианте²⁶⁰.

²⁵⁷ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 12, стр. 320.

²⁵⁸ Там же, т. 17, стр. 210.

²⁵⁹ См. В. Ф. Асмус, Мировоззрение Л. Толстого в анализах Ленина, Уч. зап. Белорусского ун-та, 1954, вып. 18, стр. 3—79.

²⁶⁰ У Михайловского можно встретить характеристики Толстого, разительно похожие на плехановские. Например, такие: «Несмотря на свою демократическую блузу и на упражнения в земледельческих трудах, гр. Толстой есть барин — умный, изумительно талантливый, всячески желающий отделаться от своего барства и все-таки барин»; «в этом великом писателе сидит барин, неисправимый барин» и т. п. Н. К. Михайловский, Полн. собр. соч., т. VIII, стр. 166, 168.

В глазах Плеханова Толстой-мыслитель и художник — это «моралист из высших классов», «аристократический учитель жизни» (XXIV, 275—276), «идеолог высшего класса, Гомер дворянского быта»²⁶¹.

Давно отмечено, что Плеханов впадает здесь в грех вульгарного социологизма, являющегося разновидностью социологизма позитивистского. Это имело своим следствием общую недооценку критического пафоса учения и творчества Толстого, закрывало путь к пониманию их глубинного содержания, — особенно там, где к ошибкам методологии присоединялись другие недостатки плехановского метода анализа философских и художественных явлений.

Плехановский анализ учения Толстого во многом формалистичен. Он мало обращен к тем реальным проблемам, свое решение которых мыслитель пытался дать в категориях «вечного» и «временного», «духа» и «тела» и т. д. Все те противоречия, о которых говорит Плеханов, вырастали у Толстого из глубоких социальных противоречий русской жизни его времени, и именно эти последние, а не отвлеченные вопросы философии, религии и этики, стремился разрешить и преодолеть Толстой своим учением. «Конечное» и «бесконечное», «дух» и «плоть», «вера», «бог» — все эти понятия, которые Плеханов рассматривает абстрактно-теоретически, имели у мыслителя — если употребить излюбленный термин критика — свой реальный эквивалент, в том числе и социальный²⁶². Можно сказать, что религиозная, идеалистическая форма, в которую облечено учение Толстого, заслонила от Плеханова его жизненное содержание. Попытка понять учение Толстого «изнутри», как выражение только личных исканий мыслителя, без соотнесения его с широким миром социальной действительности, который сформировал Толстого и к узловым противоречиям которого была обращена его мысль, и не могла дать иных результатов.

Тот же недостаток присущ суждениям Плеханова о творчестве Толстого. Здесь он усугубляется еще тем, что критик иной раз слишком буквально понимает формулу «искусство — мышление в образах». У Плеханова это означает скорее мысль, облеченную в образную форму, чем образственную мысль. Вследствие этого критик, игнорируя общую художественную концепцию романов Толстого (у него речь идет о «Войне и мире» и «Анне Карениной»), ищет в них прежде

²⁶¹ Литературное наследие Г. В. Плеханова, сб. VI, стр. 271.

²⁶² См. об этом: В. Ф. Асмус, Мировоззрение и эстетика Л. Н. Толстого, в его кн.: Вопросы теории и истории эстетики, «Искусство», М., 1968; Е. Н. Куприянова, Эстетика Л. Н. Толстого, «Наука», М.—Л., 1966, стр. 252—272.

всего то, что прямо соотносится с философско-религиозными взглядами писателя, что может быть более или менее непосредственно объяснено его «психологией художника-аристократа»²⁶³. Не все ошибочно в плехановских суждениях (особенно если учесть, что он имел в виду произведения Толстого, написанные до идейного кризиса конца 70-х годов)²⁶⁴, но узка и неперспективна исходная критическая методология.

По указанным причинам статьи Плеханова, сыгравшие положительную (и довольно значительную) роль в литературно-общественной борьбе 900-х годов, оказались мало пригодными в качестве основы для дальнейшего изучения деятельности Толстого-мыслителя и художника. Такой методологической основой стали ленинские работы о Толстом.

3.

Одним из заметных событий литературной жизни начала 1910-х годов явилась полемика вокруг романа В. Ропшина «То, чего не было». Роман печатался на страницах журнала эсеровского направления «Заветы» (начиная с апрельской книжки за 1912 год) и еще до завершения публикации стал предметом острых споров. В них приняли участие критики и публицисты почти всех основных общественных течений тех лет. О злободневности как самой полемики, так и ропшинского романа свидетельствует то, что статью о нем для центрального органа РСДРП газеты «Социал-демократ» собирався написать В. И. Ленин. «Имеете ли «Заветы»? Нельзя ли послать мне Ропшина на время? Я хотел бы написать о нем для ЦО»²⁶⁵, — писал он Л. Б. Каменеву в сентябре 1912 года.

С произведением Ропшина связано и последнее литературно-критическое выступление Плеханова — статья «О том, что есть в романе «То, чего не было» («Современный мир», 1913,

²⁶³ Здесь Плеханов отступает от тех принципов критического анализа, которые характеризуют статьи о народнической литературе: там художественные наблюдения писателей соотносятся с жизнью, а противоречия между художником и мыслителем констатируются внутри художественного произведения.

²⁶⁴ В своей основе верно замечание Плеханова о различиях между Толстым и Некрасовым в характере освещения важнейшей для 60-х годов проблемы — крестьянство и дворянство в их взаимных отношениях. Прав Плеханов, говоря, что в «Войне и мире» Толстой уклонился от изображения ужасов крепостного права, что только из-под пера докризисного Толстого могли выйти эпически прекрасные описания сборов Наташи Ростово-вой на бал и охоты в Отрадном и т. п.

²⁶⁵ В. И. Ленин, Полное собрание сочинений, т. 48, стр. 87. В письме от 7 апреля 1913 года Ленин просит Каменева прислать ему номер «Современного мира» «со статьей Плеханова о романе Ропшина» (там же, стр. 176).

№ 2). В общем балансе критической деятельности Плеханова значение этой «статейки», как называл её сам автор, невелико. В смысле общественной значимости и точности критического анализа она значительно уступает лучшим работам Плеханова о народнической литературе 70—80-х годов, о Горьком, Ибсене, Толстом. Тем не менее и в ней критик-марксист сумел поставить ряд серьезных проблем философского и этического характера и высказать немало верных соображений по поводу разбираемого произведения. Статья о романе Ропшина проливает дополнительный свет на литературно-общественную позицию Плеханова последнего периода его деятельности, а также на некоторые особенности его критического метода.

Написана она в форме «открытого письма к В. П. Кранихфельду», который незадолго перед тем отрицательно отозвался о форме и частично идейной неясности ропшинского романа²⁶⁶. Предлагая пересмотреть эту оценку, Плеханов адресовал свои возражения не только Кранихфельду, но и тем многочисленным критикам, которые, по его мнению, прошли мимо жизненного содержания романа. Ограничившись в основном «придирчивым, несправедливым и, в сущности, бессодержательным указанием на «имитацию» Толстого», они на этом преимущественно основании произнесли свой «почти единодушный, резко-отрицательный приговор» (XXIV, 279).

Последние слова довольно точно характеризуют действительное положение вещей. Роман «То, чего не было» вызвал при своем появлении большую прессу и стал литературным «событием», не без примеси скандала. «О нем пишут; о нем читают рефераты; о нем спорят; его хвалят, его бранят; против него «протестуют» в печати», — констатировал Плеханов. Но преобладающей оценкой романа была отрицательная. На ней действительно «почти единодушно» сходились представители различных общественных и литературных течений, хотя мотивы отрицательного отношения в каждом отдельном случае были далеко не одинаковы.

В самом романе внимание критики привлекали (если в данном случае можно употребить это слово) самые различные стороны: общий жизненный фон, описание революционных событий недавнего прошлого — 1905—1908 гг.; образы братьев Болотовых, гибнущих один за другим в борьбе, и изображение подпольной и террористической деятельности вообще; этические проблемы романа и «философия истории» его автора; наконец, художественная форма романа, его стиль, носивший явственные следы толстовского влияния. В центре споров стояли, однако, два вопроса — о литературной самостоятельности

²⁶⁶ «Современный мир», 1912, № 10, стр. 322—335.

произведения, о его подражательности (на первом этапе полемики — до окончания печатания романа) и об общем идейном содержании и смысле романа (на заключительном этапе). Плеханов в своей статье, написанной до появления завершающей, третьей части «То, чего не было», мог учитывать, естественно, только первоначальные отклики на роман.

Не столько сам роман, сколько фигура его автора — укрывшегося за псевдонимом «В. Ропшина» Бориса Савинкова, известного террориста, участника покушений на Плеве и великого князя Сергея Александровича — вызвала злобное негодование правой печати, хотя последнее и маскировалось соображениями якобы «эстетического» порядка. На страницах «Нового времени» А. Бурнакин, предлагая назвать критикуемый роман «То, что уворовано», писал: «И если Борису Савинкову безнаказанно сошли загубленные им человеческие души, то г. Ропшину не пройдет даром этот воровской акт над «Войной и миром»²⁶⁷.

Единомышленники Савинкова по партии социалистов-революционеров были явно недовольны тем, что в его романе вместо апофеоза партии была дана её критика (как выразился Плеханов в письме Ф. Мерингу от 5 июня 1913 года), показано неблагополучие и разложение в её рядах. Этим было продиктовано коллективное письмо-протест в редакцию «Заветов», подписанное 22 эсерами. «Мы находим, — заявляли авторы «протеста», — что этот роман является крайне неверной картиной пережитого Россией движения, тенденциозно освещенной с совершенно чуждой нашему направлению точки зрения. Поэтому его место, по нашему глубокому убеждению, не в «Заветах»²⁶⁸. На подобной же позиции — и по тем же в основном причинам — стоял в оценке романа Иванов-Разумник, поместивший в тех же «Заветах» статью «Было или не было?»²⁶⁹.

Демократическая и социал-демократическая печать критиковала роман за то, что в нем в искаженной перспективе рисовались события первой русской революции, преобладали скептические ноты в изображении деятельности революционеров. Все это делало роман родственным различного рода ликвидаторским течениям, широким потоком разлившимся в годы реакции. Как произведение с ренегатски-ликвидаторской тен-

²⁶⁷ «Новое время», 1912, № 13/14, 14 (27) сентября.

²⁶⁸ «Заветы», 1912, № 8, отд. II, стр. 144. Из позднейших признаний Савинкова явствует, что в романе «То, чего не было», между прочим, «описываются нравы ЦК ПСР» (Сб. «Борис Савинков перед военной коллегией Верховного суда СССР», М., 1924, приложение «Необходимые исправления»). Нашло отражение в романе и скандальное для партии социалистов-революционеров «дело Азефа».

²⁶⁹ «Заветы», 1913, № 4, отд. II, с. 134—149.

денцией рассматривал «То, чего не было» В. И. Ленин в своих статьях и письмах 1912—1913 гг.²⁷⁰ Замысел Ленина — написать статью о романе для ЦО РСДРП — остался неосуществленным. Однако на страницах большевистской прессы все же прозвучало резко осуждающее слово в адрес Ропшина и его произведения. На вопрос «что же есть в романе Ропшина?» рецензент журнала «Просвещение» отвечал: «Извращение характера движения, представленного как некий хаос, колеблемый сменяющимися ветрами. Карикатура на деятельность партий — не какой-либо определенной партии, а партий вообще, как организаций по существу нелепых, жалких и смешных. Описание вырождения революционера — как процесса его возрождения»²⁷¹.

Плеханов на аналогичный вопрос отвечал в своей статье «О том, что есть в романе «То, чего не было» несколько иначе. И произошло это не потому, что он как-нибудь примиренчески отнесся к ликвидаторству. Как мы видели выше, последнее встретило в его лице бескомпромиссного критика. В частности, большую заслугу Плеханова за время лихолетья (1909—1911 гг.) Ленин видел в том, что он воспевал подполье и решительно поддерживал партийные решения о борьбе с ликвидаторством. В многочисленных статьях этих и последующих лет («В защиту «подполья», 1910; «Об улыбке авгура», 1911; «Под градом пуль», 1913, и др.) Плеханов неустанно воевал против «социал-демократических октябристов» вроде Потресова, Мартова и Дана, третировавших революционное подполье во имя «легальной деятельности» (как известно, на основе совместной борьбы с ликвидаторским течением возник блок между большевиками и меньшевиками-партияцами, выступавшими под плехановским лозунгом: «Да здравствует меньшевизм без ликвидаторства!»).

Однако в романе Ропшина выражения идей, родственных ликвидаторским, Плеханов не увидел, следствием чего явилась недооценка им идейной ущербности и вредности этого произведения. Возможно, здесь сыграло некоторую роль то, что Плеханов строил анализ лишь на материале первых двух частей романа (см. XXIV, 289), между тем как ликвидатор-

²⁷⁰ См. В. И. Ленин, Полное собрание сочинений, т. 22, стр. 306; т. 48, стр. 137.

²⁷¹ «Просвещение», 1913, № 4, стр. 102. То, насколько эта оценка была в целом справедлива, подтверждается, например, отзывом Е. Колтоновской, которая в статье «Быть или не быть?» приветствовала ропшинский роман именно за критику «подполья»: «Не только террор подвергается критике Ропшина, а и вся подпольная жизнь... Не только о кризисе подпольной жизни говорит своей большой стихийной душой этот роман, а о близком конце её, о её ликвидации» («Русская мысль», 1913, № 6, отд. II, стр. 37, 40).

ские краски наиболее густо положены именно в его третьей части. Еще более вероятно, что Плеханов просто не отнес «разоблачений» Ропшина к партиям и подполью вообще, а к одному только подполью и деятельности партии социалистов-революционеров. Косвенно это подтверждается упоминавшимся выше письмом Ф. Мерингу, где критик говорил о писателе: «Он навлек на себя большую злбу в своей партии, партии «социалистов-революционеров», ибо вместо а л о ф е о з а он дал к р и т и к у»²⁷². Есть указания на этот счет и в самой статье.

В какой-то мере недостаток плехановской работы компенсировался тем, что в ней подвергалась критике «философия истории» Ропшина, которая, собственно, и придавала изображенному в романе сценам революционного движения и партийной деятельности ликвидаторскую окраску. В отличие от подавляющего большинства критиков, с которыми спорила его статья и которые сосредоточили свое внимание на бросавшихся в глаза «заимствованиях» из «Войны и мира» (В. Кранихфельд, Л. Войтоловский, А. Бурнакин и др.), Плеханов не ограничился вопросом о «подражательности» ропшинского романа, о влиянии на него Толстого. Он глубже, чем кто бы то ни было другой, понял природу этих подражаний и заимствований. Дело заключалось не в том, что Ропшин повторял отдельные слова и фразы Толстого, а в том, что он, описывая переживания и действия своих героев, выражал «тот же самый взгляд на роль личности в истории, который был раньше высказан Толстым в «Войне и мире». Он потому и склонен повторять «отдельные слова» Толстого, что они представляют ему наилучшим выражением наиболее правильного взгляда на то, какое значение могут иметь сознательные усилия людей в ходе великих исторических событий» (XXIV, 295).

В чем существо этого взгляда? В том, что «нам не дано знать» причин исторических событий, что нас ведет какая-то высшая сила, что на деле сознательные усилия людей обыкновенно ничего не значат, ни к чему не приводят и т. п. Плеханов определяет этот взгляд как «чистейший фатализм», и роман как нельзя лучше подтверждает эту характеристику.

Революция изображена в нем как могущественная, но стихийная, никем и ничем не управляемая сила. Её взлеты и падения неожиданны и необъяснимы. Она приходит — «и никто не мог догадаться, что революция уже на дворе, уже стучится в ворота»²⁷³. Она смертельно ранена, но никто не подозревает, что революция уже побеждена. Она каждый раз застаёт врасплох не только своих врагов, но и революционеров, кото-

²⁷² Г. В. Плеханов — литературный критик. Новые материалы, М., 1933, стр. 159.

²⁷³ В. Ропшин, То, чего не было (Три брата). М., 1914, стр. 56.

рые не могут ни предвидеть её, ни руководить ею. О революционерах, собравшихся на партийный съезд, в романе сказано: «Они забывали, что они не призваны руководить революцией, что они не хозяева её, а покорные и слабые слуги. И собравшись за сотни и тысячи верст, они наивно уверили себя, что от большинства голосов, поданных на партийном съезде, от поражения «левых» или победы «правых» может измениться судьба России, может замедлиться величавый ход революции, может иссякнуть её неиссякаемое русло. И никто из них не догадывался, что в этом они бессильны, как бессильны слова изменить жизнь»²⁷⁴. В духе этой концепции мыслят, чувствуют и действуют герои ропшинского романа (Андрей Болотов, Володя Глебов, Ваня и др.).

Если учесть, что в свете этой фаталистической философии истории изображены в романе и революционное движение в целом, и деятельность партии, и действия отдельных лиц, то станет ясной актуальность плехановской критики её. Из этой именно философии и вытекал ликвидаторский по своему существу вывод о бессилии партий управлять стихией революции. Плеханов, по указанным выше причинам, недоучел этот «практический разум» романа, но теоретическую, так сказать, философскую, основу ропшинского ликвидаторства подверг безоговорочной критике с позиций марксистского материализма, этой «современной нам алгебры революции».

Будучи в качестве социалиста-революционера идеалистом чистой воды, Ропшин не смог решить антиномию между сознательностью и стихийностью в процессе исторического движения. Фатализм в духе и стиле Толстого он «ошибочно принял за ответ на вопросы, вызванные в нем недавним периодом революционного возбуждения в России. Верный идейным заветам субъективистов, Ропшин отверг материалистическое объяснение истории и... вслед за Толстым произнёс своё *ignotum*. Но его *ignotum* применимо не ко всем, а лишь к некоторым» (XXIV, 295). Мысль Плеханова такова: ропшинское «не дано знать» вполне может быть отнесено к социалистам-революционерам, и в этом смысле его наблюдения искренни и правдивы; но идеалистическое *ignotum* нельзя применить к революционерам-марксистам, которые способны «предвидеть ход исторических событий и тем самым направить их к сознательной цели». Ропшинская философия, сквозь призму которой рассматривались в романе «То, чего не было» события недавнего революционного прошлого, полностью опровергалась и начисто отвергалась Плехановым.

Столь же несостоятельным оказался Ропшин и в решении другой проблемы — вопроса о праве на насилие. Эта нрав-

²⁷⁴ Там же, стр. 148—149.

ственно-философская проблема занимает в романе «То, чего не было» — и соответственно её анализ в плехановской статье — центральное место. Все революционеры-террористы, герои романа, делятся в зависимости от отношения к ней на две группы. Одни идут в террор и на «экспроприации» не задумываясь, не мучаясь над «философическими вопросами», не сомневаясь в законности «огня и меча» (Володя Глебов, Ипполит, Ваня). Идут и доходят, как одна из героинь, Ольга, до откровения: «Все дозволено! Во имя народа нет колебаний, нет беззаконий». Другие (Андрей Болотов, Сережа) ищут нравственного оправдания своей деятельности. Ищут, но не находят.

Главный герой романа Андрей Болотов не приемлет религиозных аргументов Сережи, но и сам не в состоянии дать ответ на тревожащий его вопрос. «Христос... Евангелие... Не убий, — думал Болотов, влезая в козлы и подвертывая армяк. — Какой церковный туман. Но Сережа всё-таки прав: нельзя и надо, да, надо... Но в чем оправдание, я не решу. И никто не в силах, не может решить»²⁷⁵. На этот вопрос, как и на вопрос о роли личности в истории, Ропшин устами Сережи дважды отвечает: «не дано знать».

Постановку в романе проблемы революционного насилия Плеханов считал главной писательской заслугой Ропшина. «Потребность в нравственном оправдании борьбы — не шуточное дело, — говорил он. Задолго до появления ропшинского романа Плеханов много писал на эту тему в своей публицистике²⁷⁶, обращаясь к ней в статье «Симптоматическая ошибка», направленной против выступления Толстого с заповедью «не убий», и в работе «К психологии рабочего движения», где поднимал вопрос о пролетарском гуманизме. В 1912 году он обсуждает её в реферате «Толстой и Герцен». В ряду этих выступлений следует рассматривать и статью о романе «То, чего не было».

Перед героем романа Андреем Болотовым вопрос о праве на насилие особенно остро встает после убийства жандарм-

²⁷⁵ Там же, стр. 213—214.

²⁷⁶ «Белый террор» (1903), «Социал-демократия и терроризм» (1904), «Наше положение» (1905) и др. В последней статье Плеханов-публицист писал: «Ввиду неслыханных зверств, совершаемых контрреволюционерами, мы в свою очередь должны быть готовы на все. Конечно, кровопролитие не может быть привлекательно ни для кого, кроме озверевших и опьяневших горилл из черной сотни; но оно начато не нами, и покойный П. Л. Лавров справедливо сказал, обращаясь к русскому революционеру:

Не мы виной, когда в бою
Кровь неповинная прольется!
Без жертв, без крови, без борьбы
Народам счастье не дается» (XIII, 352).

ского полковника Слезкина. Он говорит своему другу Сереже: «Я вот чего не понимаю, Сережа. Нас расстреливают, вешают, душат. Так. Мы вешаем, душим, жжем... Так. Но почему если я убил Слезкина,— я герой, а если он повесил меня, он мерзавец и негодяй?.. Ведь это же готтентотство. Одно из двух: либо убить нельзя, и тогда мы оба, Слезкин и я, преступаем закон, либо можно, и тогда ни он, ни я — не герои и не мерзавцы, а просто люди, враги...

Скажите мне вот что: допускаете ли вы, что этот убитый Слезкин не из корысти, а по убеждению преследовал нас? Допускаете ли вы, что он не для себя, а для народа, именно для народа, заблуждаясь, конечно, считал своим долгом бороться с нами? Допускаете ли вы это? Да? Ведь может так быть? Ведь может быть, что из сотни, из тысячи Слезкиных хоть один найдется такой? Ведь может быть? Да?.. Ну, тогда где же различие между мною и им? Где? И почему он мерзавец? По-моему, либо убить всегда можно, либо... либо убить нельзя никогда»...²⁷⁷.

Вопроса этого, как показал Плеханов, не решают в романе ни ропшинский герой, ни сам автор. «Болотов до самой смерти,— говорит критик о герое,— так и не находит ответа на мучивший его вопрос: «Где же различие между мною и им?» (XXIV, 291). Что касается автора, то он весьма далек от того направления, «в каком только и можно искать решения вопросов, им же самим выдвинутых в его романе». Ропшин, отвернувшись от литературной манеры декадентов, которой он следовал в «Коне бледном», «не совсем отвернулся от их теоретических взглядов» и не прочь подкрепить «свои практические стремления евангелием от декаданса» и заговорить, как один из его героев, «языком Мережковского» (XXIV, 296)²⁷⁸.

Ввиду этого Плеханов развивает свои мысли не столько опираясь на роман, сколько отталкиваясь от него. Для него

²⁷⁷ В. Ропшин, То, чего не было (Три брата). М., 1914, стр. 110.

²⁷⁸ Любопытно в этой связи одно место в воспоминаниях А. Белого: «Серафима Павловна Ремизова дружила с Гиппиус; от нее услышал: Савинков, глава боевых эсеров, руководил бомбой Каляева; голова его оценена, а он живет в Питере, тайно посещая Ремизовых...; его мучает скепсис и он не верит в свой путь, увлекаясь творениями Мережковского; он ищет религии, могущей ему оправдать терроризм... Он хотел бы тайно явиться к Д. С. Мережковскому, но Мережковский этого не допускал, углубляя дебат: убить — нужно, а — нельзя; нельзя, а — нужно» (Андрей Белый, Между двух революций, Изд-во писателей в Ленинграде, 1934, стр. 69—70). В романе «То, чего не было», как и в предшествующем ему «Коне бледном» (1909), формула «нельзя и надо» обыгрывается неоднократно. Встречается она и в упоминавшейся выше заметке З. Гиппиус «Из дневника журналиста. Толстой и Плеханов» («Русская мысль», 1908, № 2, отд. II, стр. 160—164).

сам роман — только повод для разговора о серьезных философско-этических проблемах. В противовес идеалистически-декадентским утверждениям Ропшина и его героев о неразрешимости вопросов о праве на насилие, о разнице между насилем революционным и реакционным, Плеханов предлагает свои решения этих проблем, основанные на самой революционной философии эпохи.

«Кто вдумался в эту философию,— пишет он,— кто изучил эту алгебру, тот... не станет спрашивать себя, столкнувшись лицом к лицу с защитником противоположной идеи: «где же различие между мною и им?» Он знает, где это различие; ему известно, в чём состоит оно» (XXIV, 292). Если каждый искренний борец за свои убеждения прав по-своему, то есть с точки зрения тех нравственных и правовых принципов, в которых он воспитался, то это еще не значит, что каждый из них прав в одинаковой степени. Плеханов отвергает этический релятивизм, которому отдает дань Ропшин в своем романе. «Божественное право» защиты данного общественного порядка, — говорит он, — гораздо ниже «божественного права» его устранения всюду, где порядок этот отжил свое время и, задерживая общество в его поступательном движении, является для него источником многих и разнообразных бедствий. Чем многочисленнее и разнообразнее эти бедствия, тем более право его защиты утрачивает свое «божественное» содержание, тем более превращается оно в одну только видимость, в простой призрак права. Поняв это, новаторы могут со спокойной совестью вести свою борьбу с консерваторами» (XXIV, 291—292).

Анализируя внутренний мир ропшинского героя, этого «Гамлета революции», и сопоставляя его с психологией реакционных насильников, Плеханов указывает на принципиальную разницу между красным и белым террором: «один практикуется людьми, способными глубоко чувствовать и честно, хотя подчас и ошибочно, думать; за другой берутся джентльмены, не имеющие ни чувства в своем загубелом сердце, ни мысли в своей неразвитой голове» (XXIV, 293).

Для утверждения этих двух положений — о законности революционного насилия и о коренной разнице между ним и насилем реакционным — и написана, в сущности, последняя критико-публицистическая статья Плеханова. Это делало её актуальной в обстановке послереволюционной реакции и начинавшегося нового революционного подъёма.

Это же в основном вызвало резко отрицательные отзывы о ней в антимарксистской критике. Так, Е. Колтоновская обвиняла Плеханова в том, что «он внёс в свой разбор партийную узость и тенденциозность». «В алгебре революции, у Гегеля, борцы-новаторы, оказывается, могут найти лекар-

ство от всех своих сомнений и утверждение в своих боевых «правах», чуть ли не оправдание убийства. Так обстоит дело с марксистской точки зрения. На самом же деле корень драмы тех, которых Плеханов называет революционными Гамлетами, гораздо глубже. Она — чисто психологическая»²⁷⁹. С аналогичной точки зрения нападал на Плеханова и Иванов-Разумник. «Разве в том дело, что «исторический процесс» вызывает «общественную борьбу», — когда человек страдает над вопросом этико-философским, который лежит в совершенно иной плоскости...?» — спрашивал он, брюзжа по поводу «духовной близорукости марксизма» и «роковой поверхностности его философских теорий»²⁸⁰.

Своей публицистической направленностью статья Плеханова в литературно-общественной борьбе 1910-х годов играла, несомненно, положительную роль. Но случилось это, как мы видели, в большой мере не благодаря, а вопреки ропшинскому роману. Прав был В. Кранихфельд, когда в своем «Ответе Г. В. Плеханову» указывал, что в самой статье нравственно-философская проблема освещена значительней и глубже, чем в романе. Если «этой проблеме дана широкая и научная постановка и указано ее решение», замечал он, «то в этом заслуга Плеханова, а не Ропшина, критика, а не художника»²⁸¹. Парадокс объясняется тем, что статья Плеханова — характерный образчик критики «по поводу» произведения, о которой он говорит в рецензии на роман фон Поленца «Крестьянин» (XI, 396). В самой статье есть две ссылки на Добролюбова, которые должны оправдать избранный её автором критический метод, его прием «толковать о явлениях жизни на основании литературного произведения» (XXIV, 288 и 296). Следует сказать, однако, что Плеханов в своей статье иной раз нарушал меру, которую соблюдал в таких случаях Добролюбов, предостерегавший критиков от того, чтобы находить «в произведении то, чего в нем вовсе нет», придавать «разбираемому творению мысль более живую и широкую, нежели какая действительно положена в основание его автором»²⁸². Выводы его иногда — там, где он считал их как бы вытекающими из романа Ропшина — были не только адекватны идейному содержанию произведения, но и противоречили ему. Пример — указанная Плехановым разница между красными и белыми террористами. По его мнению, «роман Ропшина давал нашей передовой критике пре-

красный случай указать на эту весьма поучительную разницу», но она им не воспользовалась, не найдя «в указанном романе достаточно психологического материала для проведения этой параллели» (XXIV, 293). Но ведь и сам Плеханов не нашел такого материала и вынужден был сравнивать вымышленного Болотова с реально существовавшими лицами (черносотенными убийцами думского деятеля М. Я. Герценштейна), — не говоря уже о том, что ропшинский герой и его создатель сами не видели упомянутой разницы и так и не ответили на вопрос: «где же различие между мною и им?» Впрочем, это, кажется, единственный случай, когда Плеханов увидел в романе то, чего не было в нем, «вчитал» в него свои мысли. Во всех остальных он проводил отчетливый водораздел между идеями ропшинского романа и собственными. Именно последние и придавали его статье существенное значение»²⁸³.

3. Критический метод Плеханова

Уже первая критическая статья Плеханова, посвященная Успенскому, обратила на себя внимание читателей-современников необычностью подхода к художественному творчеству, новизной метода литературно-критического анализа²⁸⁴. В работах 900-х годов, когда Плеханов-критик предстал перед русским читателем с необходимой полнотой, особенности его критического метода проявились еще более четко. Тогда же они получили развернутое теоретическое обоснование в форме учения о двух актах критики, зачатки которого также можно встретить в ранних статьях (см. VI, 249; X, 259—260).

Как это было и с эстетическими трудами, значение и роль критических работ Плеханова в литературной борьбе начала XX века определялись не только конкретным содержанием

²⁸³ До известной степени неравноценны также конкретные суждения Плеханова о художественной форме романа, с одной стороны, и его соображения «по поводу» общих литературно-эстетических вопросов — с другой. Интересна статья не первыми (хотя, например, замечания о внутренней природе ропшинских «подражаний» Толстому или о большей достоверности его романа в сравнении с «Сашкой Жигулевым» Андреева достаточно тонки и точны), а прежде всего, как справедливо заметил Б. И. Бурсов, «рядом развиваемых в ней соображений о закономерностях историко-литературного процесса, о роли гениальных писателей в развитии его, о различных типах писательского таланта и т. д.» (История русской критики, т. II, Изд-во АН СССР, М.—Л., 1958, стр. 556).

²⁸⁴ О. В. Аптекман, Г. В. Плеханов. Из личных воспоминаний, Л., 1924, стр. 52.

²⁷⁹ «Русская мысль», 1913, № 6, отд. II, стр. 26—27.

²⁸⁰ «Заветы», 1913, № 4, стр. 143.

²⁸¹ «Современный мир», 1913, № 2, отд. II, стр. 101.

²⁸² Н. А. Добролюбов, Собр. соч. в 9-ти томах, т. 6, Гослитиздат, М.—Л., 1963, стр. 295.

и проблематикой, но и их методологической направленностью.

Общая методология литературной критики Плеханова была той же, что и в его работах по социологии искусства, и базировалась на принципах исторического материализма. Плеханов-критик подчеркивал это обстоятельство неоднократно. В силу этого споры вокруг его работ неизменно касались исходных посылок его критической методологии, а иной раз ограничивались исключительно ими.

В центре полемики оказывались, как и следовало ожидать, те самые положения исторической теории марксизма, на которые обрушивались в свое время социологи субъективной школы — об определяющей роли материального производства в духовном развитии общества и о классовом характере идеологии. Против применения к области литературного творчества этих, как они выражались, «догм экономического материализма», против подхода к нему с классовыми, а не абсолютными критериями яростно выступали К. Чуковский, Р. Иванов-Разумник, П. Пильский, А. Редько и многие другие²⁸⁵. В качестве основополагающих принципов литературно-критического метода Плеханова рассматривались эти положения — но уже с противоположной оценкой — в положительных отзывах на его работы²⁸⁶. Так оно и было на самом деле.

Именно эти положения имел в виду Плеханов, когда характеризовал свой метод как «метод материалистической критики» (XIV, 190). Материалистической означало в данном случае марксистской. Это определение очерчивает, однако, только общие контуры критического метода Плеханова и не указывает на тот специфический оттенок, который был свойственен ему и выделял его на фоне марксистской литературной критики начала XX века. Если учесть этот оттенок, то правильнее всего было бы назвать Плеханова критиком-социологом.

В методе любого литературного критика почти всегда можно выделить доминирующий принцип, который вытекает

²⁸⁵ К. Чуковский, Циферблат г. Бельтова, — «Весы», 1906, № 2, стр. 46—47; Р. Иванов-Разумник, Литература и общественность, СПб., 1910, стр. 113—114; П. Пильский, Критические статьи, СПб., 1910, стр. 226—228; А. Редько, Литературные наброски. — «Русское богатство», 1906, № 11, отд. II, стр. 140—142.

²⁸⁶ Прежде всего — в рецензиях на сборник «За двадцать лет» Е. Ляцкого («Вестник Европы», 1905, № 10), Л. Клейнборта («Образование», 1905, № 10), Н. Валентинова («Правда», 1905, № 7) и на брошюре об Ибсене. См. также работу И. Аксельрод «Г. Плеханов об искусстве» («Возрождение», 1909, № 9—12, 1910, № 1), в которой впервые сделана попытка охарактеризовать «метод марксистской критики, как он выразился в произведениях Плеханова».

из взглядов критика на литературу и её функции в общественной жизни и — соответственно с этим — на задачи самой литературной критики. Принцип этот, являясь организующим, структурным началом критического метода, сказывается буквально во всем — от выбора объекта критического изучения и проблематики статей до их жанра и стиля.

Такой доминантой критического метода Плеханова, определяющей специфику содержания и формы его работ, является «социологичность», социологический угол зрения на художественное творчество и личность художника. Социологический и шире — социальный анализ литературных явлений — характерная черта всей марксистской критики — как русской, так и западноевропейской — на рубеже XIX—XX веков. Но, пожалуй, только у одного Плеханова социологический подход к литературе стал главным и определяющим началом критического метода. В социологичности же Плеханов видел ту грань, которая четко отделяла его метод от методологии демократической критики 60—70-х годов. Он писал в 1910 году в связи с разбором критических взглядов зрелого Белинского: «Объясняя поэзию Пушкина общественным положением России и историческим состоянием того сословия, к которому принадлежал наш великий поэт, Белинский далеко опережал нашу передовую критику 60-х и 70-х годов, главный недостаток которой состоял в том, что она смотрела на литературные явления исключительно с публицистической, а не с социологической точки зрения. В статьях Белинского, написанных в последние годы его деятельности, заключается целая программа, которая до сих пор еще не выполнена нашей литературной критикой и которая только тогда будет выполнена ею, когда она сумеет целиком стать на социологическую точку зрения» (XXIII, 162). Свою критику, в отличие от этой «публицистической», Плеханов называл «социологической»²⁸⁷.

Каким образом критический метод Плеханова был связан с его общими взглядами на литературу?

Плеханов подходил к литературе прежде всего как мыслитель, стремящийся к научному объяснению общественно-исторического процесса в его синтетическом виде, со всеми его сторонами. В совокупности явлений, подлежащих такому изучению, значительное место отводилось им общественной психологии. Под последней понималось «преобладающее настроение чувств и умов в данном общественном классе данной страны и данного времени» (VIII, 250—251). «Если с нею

²⁸⁷ См. П. А. Николаев, Возникновение марксистского литературоведения в России, Изд-во МГУ, 1970, стр. 296.

необходимо считаться уже в истории права и политических учреждений,— пишет Плеханов об общественной психологии,— то без неё нельзя сделать ни шагу в истории литературы, искусства, философии и проч.» (VIII, 251).

Отсюда — огромная важность литературы, которая не только находит свое объяснение в психологии классов, но и, в свою очередь, является важнейшим, во многом незаменимым источником для ее изучения. В работе «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю» Плеханов, указывая на ту особую сферу действительности, в изучении которой художественное исследование не может быть заменено никаким другим, писал: «Психология приспособляется к экономике. Но это приспособление есть сложный процесс, и, чтобы понять весь его ход, чтобы наглядно представить себе и другим, как именно он совершается, не раз и не раз понадобится талант художника. Вот, например, уже Бальзак много сделал для объяснения психологии различных классов современного ему общества. Многому можно научиться нам и у Ибсена, да и мало ли еще у кого?» (VII, 237). В отзывах о Бальзаке, сделанных в других работах, Плеханов еще и еще раз подчеркивал, что романы последнего «представляют собою незаменимый источник для изучения психологии французского общества времен реставрации и Людовика Филиппа»²⁸⁸. Очевидно, в этом смысле следует понимать и замечание Плеханова о том, что «никакие специальные исследования не могут заменить нарисованной» писателями-народниками «картины народной жизни» (X, 15).

Приведенные высказывания обрисовывают тот угол зрения, под которым Плеханов рассматривал и оценивал творчество отдельных писателей или даже целых школ и направлений (например, народнической литературы 70—80-х годов). Так, он считал, что обращение к романам Флобера «необходимо для всякого, кто занимается научным исследованием социально-психологических явлений» (XIV, 143). Находя у Ибсена бесподобное изображение мелкобуржуазных героев, Плеханов писал, что в этом отношении внимательное изучение норвежского драматурга «обязательно для всякого социолога» (XIV, 228). Статью «К психологии рабочего движения» Плеханов заключил словами: «У художника Горького, у покойного художника Г. И. Успенского может многому научиться самый ученый социолог» (XXIV, 276)²⁸⁹.

²⁸⁸ Литературное наследие Г. В. Плеханова, сб. VI, стр. 344.

²⁸⁹ «В той области, куда вы вошли со своим рассказом — области классовой психологии,— писал он В. Язвицкому,— предстоит, я надеюсь, много сделать именно беллетристам-социалистам» («Октябрь», 1942, № 1—2, стр. 187).

Нечего и говорить, что сам Плеханов в своих критических работах, посвященных этим и многим другим писателям, был именно таким социологом. С этим связано также особое внимание критика к тому разряду писателей, которых он называл «художниками-социологами» (X, 14).

Из этого вытекал и один из главных критериев оценки у Плеханова — глубина, правдивость художественного исследования жизни, социальных процессов, происходящих в ней. С этой мерой Плеханов подходил не только к творчеству отдельных писателей, литературных течений и школ, но и к методам художественного творчества. Это хорошо видно из сопоставления плехановских оценок романтизма, натурализма и реализма как способов изображения общественного человека и общественной среды, этих двух взаимосвязанных сторон единого предмета художественного познания.

Плеханов отмечал как «верную» характеристику, данную в книге А. Леруа «Заря романтического театра» романтической драме Гюго. «Что представляют собою драмы Виктора Гюго? — спрашивал Леруа.— Это ряд философских и исторических тем, где почти всегда отсутствует психология личности, как и психология социальных положений, но которые трактуются с поэтическим красноречием»²⁹⁰. С точки зрения Плеханова, иного результата и не может быть там, где, как в драмах Гюго и романах Жорж Занд, «человеческие страсти «берутся» в самом абстрактном виде и действуют в выдуманной, искусственной, можно сказать, совершенно утопической обстановке»²⁹¹.

Другого рода недостаток, мешающий художнику проникнуть в психологию общественного человека, Плеханов видел в натурализме. Он писал об «экспериментальном методе» Эмиля Золя: «Этот метод был теснейшим образом связан с точкой зрения того материализма, который Маркс назвал естественнонаучным и который не понимает, что действия, склонности, вкусы и привычки мысли общественного человека не могут найти себе достаточное объяснение в физиологии или патологии, так как обусловливаются общественными отношениями». (XIV, 146). Ни романтизм с его абстрактностью, ни натурализм с его физиологическим детерминизмом не могли, таким образом, решить задачу глубокого изображения общественной психологии. Высшие достижения литературы в этом направлении Плеханов связывал с реалистическим искусством, с реализмом как художественным методом.

²⁹⁰ Литературное наследие Г. В. Плеханова, сб. III, стр. 373.

²⁹¹ Там же, сб. VI, стр. 344.

В рецензии на «Историю французской литературы» Лансона Плеханов характеризует реализм, с одной стороны, как метод конкретно-исторического изображения человека и среды, а с другой — как метод, для которого характерен принцип социального детерминизма. В романах Бальзака человек и среда воспроизводятся и в национально-историческом («психология французского общества времен реставрации и Людовика-Филиппа»), и в классовом разрезе («Бальзак много сделал для объяснения психологии различных классов современного ему общества»), причем психология обуславливается общественной средой, «приспосабливается» к ней. В этом и заключается, по Плеханову, суть того нового слова в литературе, которое сказал Бальзак и которое, сделал его «отцом реализма» (выражение Плеханова), открыло перед ним и последующими художниками возможность правдивого изображения общественной психологии, «настроения чувств и умов в данном общественном классе данной страны и данного времени».

Вопреки мнению некоторых исследователей, Плеханов, отдавая предпочтение реализму перед романтизмом и натурализмом, руководствовался не просто «личным вкусом», а определенными литературными взглядами и критериями²⁹². Такое предпочтение естественно и закономерно для критика, рассматривающего и оценивающего литературу «с точки зрения социологии».

Вместе с отражением объективной действительности в поле зрения Плеханова-критика входит, как правило, и другая сторона художественного творчества — выражение в нем социальной позиции художника, детерминированной его при-

²⁹² «Реализм как художественное направление не вытекает из эстетической теории Плеханова», — писал М. М. Розенталь, ссылаясь на плехановское положение о том, что в истории литературы все направления и школы «по-своему правы» (см. в его кн. «Вопросы эстетики Плеханова». Гослитиздат, М., 1939, стр. 53).

Это ошибочный взгляд. Если Плеханов и говорил, что все школы в искусстве и литературе правы «по-своему» (X, 277; XXIII, 177), то главным образом в смысле исторической обусловленности их появления, а не равноценности. Отвергая вслед за Белинским «абсолютные эстетические критерии», обязательные для всех времен и народов, Плеханов отнюдь не отрицал, а, напротив, настаивал на признании объективных критериев, помогающих определить подлинную ценность произведения, писателя или школы (XIV, 180). Парадоксальному заключению Розенталя противостоит вся практика Плеханова — критика и искусствоведа. Более того: та точка зрения, которую исследователь приписал Плеханову, в свое время была зло осмеяна последним. См. его статью «Скептицизм в философии» (1911), где подвергнут критике релятивизм Рауля Рихтера, утверждавшего как раз, что консерватор так же прав, как либерал, эстетик-модернист — как классик и т. д. (XVII, 180—181).

надлежностью к определенному общественному классу или слою.

Задачу определения социального содержания и смысла произведения Плеханов формулировал в предисловии к 3-му изданию сборника «За двадцать лет». Показательна — в плане общей характеристики критического метода Плеханова — та поправка, которая внесена здесь в суждения Белинского о двух актах критики. Белинский еще в 1838 году, говоря о двух необходимых моментах философской критики, видел её задачу, во-первых, в переводе идеи произведения с языка искусства на язык философии, с языка образов на язык логики и, во-вторых, в анализе эстетических достоинств произведения²⁹³. Соглашаясь с Белинским насчет необходимости двух актов критического анализа, Плеханов наполняет его учение другим содержанием и предлагает рассматривать художественное произведение в свете социологии.

Первая задача критика, пишет Плеханов, «состоит в том, чтобы перевести идею данного художественного произведения с языка искусства на язык социологии, чтобы найти то, что может быть названо социологическим эквивалентом данного литературного явления» (XIV, 183—184). Вторая её задача, с точки зрения Плеханова, — «оценка эстетических достоинств разбираемого произведения» (XIV, 189). Без такой оценки «определение социологического эквивалента всякого данного литературного произведения осталось бы неполным, а следовательно, и неточным», ибо «особенности художественного творчества всякой данной эпохи всегда находятся в самой тесной причинной связи с тем общественным настроением, которое в нем выражается», с общественными отношениями эпохи (XIV, 189). Каково же конкретное содержание этой двуединой задачи?

«Перевод на язык социологии», определение «социологического эквивалента», по поводу которых написано так много неточного, не означают у Плеханова ничего другого, кроме исследования общественного содержания и смысла литературного явления, его социального генезиса и социальной роли. Это явствует как из всей критической практики Плеханова, так и из его прямых высказываний. Приведем некоторые из них. В апреле 1908 года (то есть примерно в то же время, когда писалось предисловие) Плеханов, осуждая морализаторский характер статьи И. Аксельрод о Горьком, замечал: «Наша задача, т. е. задача критика-марксиста, состоит в том, чтобы вскрывать социологическую подкладку яв-

²⁹³ См. В. Г. Белинский, Полн. собр. соч., т. 2, Изд-во АН СССР, М., 1953, стр. 561.

лений, а не в том, чтобы давать читателю советы»²⁹⁴. В том же 1908 году он упрекал за сходную ошибку Иванова-Разумника, который ограничился в своей книге изложением этических взглядов и стремлений русской интеллигенции: «...вопрос вовсе не в том, каковы идеалы новаторов, а в том, каков их социологический эквивалент, т. е. откуда они взялись, почему возникли они на данной ступени общественного развития» (XIV, 272). Плеханова можно критиковать за то, что он делает акцент на генетической стороне явлений (хотя на практике он редко этим ограничивался и выявлял генезис явления именно с целью определения и оценки его функции в общественной борьбе времени), но не за мнимую гегельянщину, вульгарный социологизм и поиски какого-то мифического «эквивалента» искусству²⁹⁵.

В литературной критике задача нахождения «социологического эквивалента» имеет то же содержание, что в трудах по социологии искусства. Нет никакой методологической разницы между тем, что Плеханов пишет об общественных предпосылках возникновения мещанской драмы, об общественно-литературной позиции Пушкина и поэтов школы Бодлера и Гюте, с одной стороны, и анализом общественного содержания народнической литературы 70—80-х годов, произведений Ибсена, Гамсуна, Некрасова, Толстого — с другой.

В своих оценках Плеханов исходил как из глубины и реалистичности отображения общественной жизни в произведении или в творчестве писателя, так и из меры его социальной прогрессивности. Два эти критерия у Плеханова по сути дела нераздельны — в том смысле, что социальную позицию художника он считал безразличной по отношению к объективной ценности и содержательности его творчества. Прекрасные тому примеры — плехановские анализы творчества Глеба Успенского, Ибсена и Гамсуна, устанавливающие бесспорное воздействие социальной позиции художника на познавательные и даже эстетические достоинства (или недостатки) его произведений.

Критическая программа, сформулированная Плехановым в предисловии к сборнику «За двадцать лет», предусматривала единство идейного и эстетического анализа литературных произведений. Он писал: «Первый акт материалистической критики не только не устраняет надобности во втором

²⁹⁴ АДП, № 12824, ед. хр. А. 93. 15, л. 2 об. (фотокопия). В предисловии к сборнику «От обороны к нападению» (М., 1910) Плеханов говорит о «социологической подоплеке» явлений (стр. IV).

²⁹⁵ Последнее утверждение см. в статье: А. Иезуитов, Социология и искусствознание. — Сб. «Содружество наук и тайны творчества», «Искусство», М., 1968, стр. 45.

акте, но предполагает его как свое необходимое дополнение» (XIV, 189).

Два акта критики у Плеханова — это в сущности два аспекта единого анализа, ставящего задачей социологическое освещение как содержания, так и формы литературного произведения. У него нет «художественного» анализа, отдельного от «социологического». Самый анализ художественной формы у него социологичен. Художественные особенности произведения Плеханов возводит к особенностям его идейного содержания, а то и другое вместе — к тем общественным явлениям эпохи, которые его обусловили.

В лучших критических работах Плеханова — таких, как «Г. И. Успенский» и «Генрик Ибсен» — оба акта критики нераздельны в точнейшем смысле слова. Главная эстетическая проблема в них — проблема идейности и художественности, решается критиком на основе социологического анализа литературного явления, взятого в его целом.

Так, анализ художественных особенностей народнической литературы связан у Плеханова с изучением её идейного содержания. Второй акт плехановской критики, действительно, дополняет первый, способствует более углубленному раскрытию «общественного эквивалента» произведений беллетристов-народников, как его понимал Плеханов.

Таким образом рассматривается Плехановым та «смесь образов и публицистики», которая является типической чертой народнической литературы 70—80-х годов.

В статье «Г. И. Успенский» Плеханов объясняет её «преобладанием у народников-писателей общественных интересов над литературными» (X, 13) и признает в общем «слабой стороной» литературы народников. Он выводит публицистичность из общественной позиции демократа-разночинца 70—80-х годов, протестанта и борца, которого «заставляет взяться за перо не столько потребность в художественном творчестве, сколько желание выяснить себе и другим те или другие стороны наших общественных отношений» (X, 13) и который сосредоточен поэтому на социально-экономических процессах крестьянской жизни, на «жгучих вопросах народной экономики» (X, 14). Будучи далек от пренебрежительного отношения к Успенскому-публицисту (вспомним хотя бы оценку теории «власти земли», суждений писателя о «сплошном быте» и т. д.), Плеханов тем не менее квалифицировал публицистический элемент в произведениях народников как недостаток — не только художественный (ибо художник должен мыслить образами), но и в определенном смысле идейный.

Дело в том, что «прегрешения против эстетики», отступления от образной специфики искусства — не единственное

и не главное обстоятельство, которое заставило Плеханова осудить публицистическую струю в народнической литературе. Для него самое существенное было не в публицистике самой по себе, а в её содержании, в её народнической направленности. Когда он указывал, что произведения Г. Успенского «много выиграли бы от более объективного отношения автора к предмету» (X, 13), то он имел в виду столько же публицистику как таковую, сколько и её насыщенность народническими идеями. «Он не только изображает,— говорит Плеханов об Успенском в другом месте,— он и рассуждает по поводу изображаемого, и своими публицистическими рассуждениями он заглаживает впечатление, производимое его беллетристическими изображениями» (X, 69). И когда мы читаем у Плеханова, что в очерке «Трудами рук своих» «талантливый беллетрист превращается в самого неудачного публициста» (X, 45), то ясно, что здесь опять-таки речь идет скорее о реакционно-утопическом смысле выступления Успенского с критикой разделения труда и планами прикрепления интеллигенции к земле, чем о публицистической форме его.

Таким образом, одну из характерных черт народнической литературы — сочетание в ней образов и публицистики Плеханов связывает в конечном счете с теми же особенностями идейной позиции писателей-народников, которые обусловили и содержание их творчества. Публицистика народников тоже имеет, оказывается, свою «социологическую подкладку», с одной стороны, и сказывается на правдивости и глубине художественных наблюдений писателей — с другой. Вот в какой прочный узел вяжутся здесь все элементы критического метода Плеханова.

Аналогичен ход мысли Плеханова в статье «Генрик Ибсен», где разбираются причины «антихудожественного элемента» (то есть примеси абстрактности и схематизма) и символизма в драмах норвежского писателя. Они коренятся в мелкобуржуазной природе ибсеновского бунта против буржуазного общества и буржуазной морали. Причем знаменательно, что вся цепь суждений и умозаключений критика в обеих работах начинается именно с постановки вопроса эстетического порядка: от «эстетики» Плеханов идет к «социологии» и обратно.

В небольшой рецензии на «Историю французской литературы» Г. Лансона содержание и форма произведений Корнеля рассматриваются как отражение общественной жизни и общественной психологии французского общества его времени. «Форма корнелевской драмы во всех своих частностях прекрасно объясняется психологией и обычаями господствовавшего сословия, которое во время Корнеля собственно и со-

ставляло театральную публику»²⁹⁶, — говорит Плеханов. Он исходит здесь, как и в приведенных выше случаях, из того принципа своей социологической критики, согласно которому «всякое литературное произведение есть выражение своего времени. Его содержание и его форма определяются вкусами, привычками и стремлениями этого времени, и чем крупнее писатель, тем сильнее и яснее эта зависимость характера его сочинений от характера его времени»²⁹⁷.

Следует учитывать, однако, что свою программу, предусматривавшую целостный анализ содержания и формы литературного произведения, Плеханов реализовал далеко не во всех работах. Во многих статьях и рецензиях анализ литературной формы или вовсе отсутствует, или носит беглый, эпизодический характер и касается преимущественно вопросов языка. И закономерно, что как раз там, где критик отступает от собственных принципов анализа и оценки художественной формы как явления конкретно-исторического и апеллирует к «вечным» эстетическим нормам, он допускает произвольные суждения. Таковы его замечания об «антиэстетических погрешностях у Некрасова», о неблагозвучии некрасовских стихов, являющихся якобы часто не более как красноречивой прозой и т. п. Между тем для передовых современников Некрасова в этой «прозе» была своя поэзия, красота и сила.

Наконец, общий подход к литературным явлениям «с точки зрения социологии» и те конкретные вопросы и проблемы, которые Плеханов анализировал, определили главные особенности формы его критических работ. В исследовательской литературе уже отмечалось, что Плеханов выработал особый жанр литературно-критической статьи, не похожей на статью Белинского, Чернышевского или Добролюбова²⁹⁸. И, действительно, статья Плеханова представляет собой новый тип критического изучения, отвечавшего тем задачам, которые он ставил в качестве критика-социолога.

Плеханов широко вводит в изучение литературы материал социологии и смежных с нею наук. Он обычно дает в своей статье научную характеристику экономических и классовых отношений, которые должны объяснить содержание и смысл художественного произведения, творчества писателя или литературного направления. Типическим образчиком литературно-критической статьи Плеханова являются работы серии «Наши беллетристы-народники». Суждения Плеханова об

²⁹⁶ Литературное наследие Г. В. Плеханова, сб. VI, стр. 354.

²⁹⁷ Там же.

²⁹⁸ См. Б. И. Бурсов, Плеханов. — История русской критики, т. II, Изд-во АН СССР, М.—Л., 1958, стр. 546; Б. Бессонов, Критик-философ, критик-социолог. — «Русская литература», 1960, № 1, стр. 234.

идейном содержании и художественном своеобразии народнической литературы предваряются анализом экономических и общественных условий, вызвавших появление и бурный рост «разночинца». Мы найдем в этих статьях и данные о состоянии производительных сил в пореформенной России, под влиянием которых слагался «характер народа», и политико-экономическую характеристику натурального хозяйства, и экскурс в историю русского крестьянства и т. д. и т. п.

В статье «Генрик Ибсен» для объяснения идейной позиции драматурга и поведения его героев-индивидуалистов Плеханов подробно раскрывает социально-психологическую природу мелкой буржуазии как класса современного общества. Точность горьковского анализа психологии современного рабочего движения и отдельных его участников (в драме «Враги») критик доказывает, между прочим, ссылками на исследование буржуазного социолога В. Зомбарта о пролетариате.

Одну из своих работ по вопросам первобытного искусства Плеханов назвал «социологическим этюдом»²⁹⁹. Его статьи о писателях-народниках, равно как и другие литературные работы — это своего рода критико-социологические этюды, в которых анализ литературных явлений неразрывно связан с вопросами социологии.

Таковы отличительные черты метода Плеханова как критика-социолога. Достоинства и недостатки этого метода обнаруживаются прежде всего, конечно, в литературно-критической практике. Ибо метод, как не раз указывал сам критик, это еще не результат.

Критический метод Плеханова отвечал, с одной стороны, пафосу диалектико-материалистического истолкования общественных явлений, которым была пронизана вся литературная деятельность первого русского марксиста (ближайшим образом — социология искусства и эстетика), а с другой — усилению социологических начал в художественной литературе конца XIX и начала XX века. Плеханов одним из первых (в конце 80-х годов) отметил типологические разновидности в русском реализме этого времени, указав на преобладание в одной из них психологического, а во второй — социологического анализа³⁰⁰. Тогда же он констатировал, что собственно «эстетическая критика» беспомощна осмыслить содержание, например, народнической литературы, проникнутой духом социального исследования, ибо «смешно подступать к ней со

²⁹⁹ Такой подзаголовок имела статья «Об искусстве», напечатанная в журнале «Начало» (1899, № 4) в качестве первого из плехановских «Писем без адреса».

³⁰⁰ Подробнее см. П. А. Николаев, Возникновение марксистского литературоведения в России, Изд-во МГУ, 1970, стр. 201—220.

школьной указкой, с учебниками пиитики и риторики в руках» (X, 16). Мало пригодной для решения этой задачи была и публицистическая критика народников в лице Михайловского и Скабичевского, еще менее — «философская критика» раннего русского декаданса. Новое содержание литературы требовало выработки новых, адекватных ему методов и приемов критического анализа.

Плеханов пошел по линии углубления и обогащения — на основе материалистического понимания истории — тех принципов, которые лежали в основе критической деятельности Белинского и Добролюбова. У первого это были зачатки социологического истолкования творчества художника, у второго — упор на объективное содержание литературного произведения, тенденция толковать о явлениях самой жизни на основе художественного творчества. На скрещении этих двух начал, взятых с поправкой на марксистское понимание общественной жизни, и образовался критический метод Плеханова. Он дал во многом замечательные результаты в деле анализа современной литературы, по крайней мере её «социологического» направления.

В освещении обоих аспектов художественного творчества — объективного и субъективного — Плеханов-критик не всегда одинаково точен и глубок, не всегда дает адекватный перевод содержания произведения, его образов и идей на «язык социологии». Здесь можно констатировать как бы два уровня анализа, зависящих главным образом от предмета изучения.

Одно из достоинств Плеханова-критика состоит в умении разглядеть за психологией литературных героев психологию целых общественных классов или слоев, найти в душевных процессах отдельных лиц отражение исторического движения. Но достоинство это проявляется главным образом там, где критик имеет дело с «художниками-социологами», изображающими психологию общественных классов в более или менее прямой форме (писатели-народники, Горький в драме «Враги»). В отношении литературных героев, в психологии которых их общественная сущность «просвечивает» в непрямой форме нравственных, философских, религиозных и т. п. исканий и стремлений, плехановский анализ довольно часто бывает прямолинейен и априористичен (замечания о героях Толстого и отчасти — Ибсена, характеристика типа «лишнего человека» в статье «Н. А. Некрасов» и т. д.).

Достоинства и недостатки критической методологии Плеханова проявились в особенности в решении им проблемы «художник и класс», «художник и общественная среда».

В её решении критик исходил как из общих положений марксизма о классовой обусловленности идеологии художни-

ка, так и из специальных указаний Маркса об отношении между литературными и политическими представителями данного класса и самим этим классом³⁰¹. Однако подход Плеханова к проблеме «художник и класс» не всегда определялся этими указаниями.

У Маркса противопоставляются два принципа в изучении взаимных отношений между идеологами и классом. Один из них — диалектико-материалистический принцип социальной точки зрения, второй — общематериалистический и позитивистский принцип среды. Для первого важно соответствие взглядов и стремлений идеолога (понимание им общественной жизни в целом и в деталях, представления об общественном «добре» и «зле», характер социальных идеалов и требований, способы борьбы за эти идеалы и т. д.) реальным интересам и точке зрения того или другого класса. Для второго существенно принадлежность идеолога — по образованию и индивидуальному положению — к этому классу или слою, к данной общественной среде.

Плеханов колеблется между этими двумя подходами к проблеме, склоняясь — в зависимости от объекта исследования — то к принципу социальной точки зрения, то к принципу среды. В его литературной критике берет верх последний.

Возьмем суждения Плеханова о народничестве. Рассматривая последнее как течение русской общественной мысли, он систематически, в разное время и по разным поводам, констатировал связь между идеологией народничества и реальными интересами русского крестьянства, точкой зрения мелкой буржуазии деревни и города. Еще в брошюре «Социализм и политическая борьба» он писал о том, что «народничество основывало свою программу на так называемых «идеалах» и требованиях крестьянского населения» (II, 41). В статье «Как добиваться конституции» (1888) Плеханов указывал, что «так называемый русский социализм... выражает собой интересы нашей мелкой (конечно, не кулацкой) буржуазии» и что, если революционеры-разночинцы не закрывали глаз на социальный вопрос, то все же «они смотрели на него скорее с точки зрения мелкой буржуазии, чем пролетариата» (III, 16—17, 30). В 1906 году Плеханов, имея в виду легальных народников, подчеркивал в «Заметках публициста»: «Теоретики народничества были идеологами мелкой буржуазии по преимуществу» (XV, 215). В статье

«Полемическая беспомощность» (1910) он писал, что «так как народники стояли на точке зрения крестьянина», то они решали «все программные и тактические вопросы с точки зрения крестьянства» (XIX, 249). Говоря в другом месте о партии «Народная воля», Плеханов отмечал, что «вся совокупность её теоретических взглядов и ее практических задач делала из нее невольную... служительницу передового слоя нашей мелкой буржуазии» (XXIV, 116). Различие между социал-демократами и народовольцами Плеханов выразил в формуле: «одни представляли пролетариат, другие — мелкую буржуазию» (XXIV, 117).

Какие-то элементы такого подхода можно найти и в суждениях Плеханова о народнической литературе 70—80-х годов (см. например, его замечания о том, что Успенский становится на крестьянскую точку зрения, находится под влиянием идеалов Ивана Ермолаевича, X, 22, 39). Но в целом он исходит в данном случае из принципа среды, который формулируется им в статье «Г. И. Успенский» следующим образом: «Зная, что писатель является не только выразителем выдвинувшей его общественной среды, но и продуктом её; что он вносит с собой в литературу её симпатии и антипатии, её мирозерцание, привычки мысли и даже язык, — мы с уверенностью можем сказать, что и в качестве художника наш разночинец должен был сохранить те же характерные черты, которые вообще свойственны ему как разночинцу» (X, 10). Все главные особенности содержания и формы литературы народников Плеханов выводит из своеобразия социального положения, образования, воспитания, общественного и нравственно-психологического облика «разночинца». В этом объяснении много точного и верного, действительно существенного для понимания народнической литературы, но все это захватывает преимущественно верхний слой её социального содержания. Более глубокий пласт реальных, политических и экономических интересов крестьянства, отразившихся в ней, Плеханов разрабатывает мало.

Два подхода в анализе «социологической подкладки» явлений — широкий и узкий — наблюдаются и в пределах эстетической и литературно-критической практики Плеханова. Литературные явления группового, так сказать, порядка (французская драматургия XVIII века, творчество поэтов школы романтизма 30—40-х годов во Франции, модернистские течения начала XX века и т. п.) рассматриваются им на широкой исторической основе, соотносятся с магистральными направлениями классовой борьбы эпохи. Творчество же отдельных художников соотносится, как правило, с окружающей их общественной средой, под которой понимается обществен-

³⁰¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. 8, Госполитиздат, М., 1957, стр. 148. Плеханов не раз приводит это место в своих работах (VII, 204; XIV, 274—275).

ное положение и окружение писателя, определяющее его воспитание, образование и эстетические вкусы. Близость такого понимания к тэновскому, общематериалистическому и позитивистскому не подлежит сомнению. Она отмечалась самим Плехановым (XIV, стр. 209). Отсюда — отмеченные выше разительные совпадения во взглядах на Толстого Плеханова и его литературного противника Михайловского — социолога и критика «субъективной школы».

Не следует, однако, упрощать позицию Плеханова в данном вопросе. Принцип среды иногда корректировался у него принципом социальной точки зрения и вообще имел не абсолютный, а относительный характер. Плеханов был далек от мысли, будто художник фатально связан с окружающей его общественной средой, обречен быть её «продуктом» и «выразителем». Для него абсолютно лишь положение о социальной обусловленности творчества художника, о том, что каждый художник выражает идеологию и эстетические вкусы определенного класса или слоя. Но это не обязательно идеология и вкусы того класса и той общественной среды, к которым художник принадлежит по рождению. Вот что, например, пишет Плеханов о Некрасове: «Хотя он сам был дворянского происхождения, но у него нет уже и следа идеализации дворянской жизни: он глядит на неё глазами протестующего разночинца» (X, 382). Плеханов рассматривает и таких писателей, которые были тесно связаны с выдвинувшей их общественной средой (таковы писатели-народники), и таких, которые находились в глубоком разладе с окружающей их средой (Бодлер, Готье и другие романтики, Ибсен) или разрывали с нею и переходили на позиции другого класса или слоя (Некрасов, Герцен). С точки зрения критика, две последние ситуации нимало не опровергают положения о социальной обусловленности творчества художника: в первом случае самый характер восстания писателя против окружающей его общественной среды во многом «предопределен характером этой среды» (XIV, 211); разрыв же писателя со своим классом «доказывает не то, что он освободился от всякого вообще классового влияния, а только то, что он вышел из-под влияния одного класса и попал под влияние другого» (XXIII, 273).

Достоинство критических взглядов Плеханова — в этом отстаивании принципов марксистского детерминизма, имевшем огромное значение в пору господства на поверхности литературной жизни критики «субъективной школы», декадентской критики и т. д. Ограниченность плехановского метода — в узости классового анализа литературных явлений, которые соотносятся зачастую не с исторической действитель-

ностью во всей её широте и сложности, а с психологией той или иной общественной среды.

Время, когда развернулась критическая деятельность Плеханова, было трудным для русской литературной критики. Народническая критика — в силу субъективистского характера её философско-социологической основы — оказалась не в состоянии развивать дальше традиции критической школы Белинского, Чернышевского и Добролюбова, совершенствовать её методы. В некоторых отношениях она отступила назад от завоеваний критиков-демократов 40—60-х годов. Субъективизм стал принципом литературной критики различных школ и течений русского модернизма, выступившей откровенной противницей наследия Белинского и Чернышевского³⁰². Методология либерально-буржуазной критики не выходила за рамки позитивизма³⁰³. В конце XIX и особенно в начале XX века русская критическая мысль, не связанная с марксизмом, переживает своего рода кризис методологии, утрачивает сколько-нибудь серьезную объективную основу для критических приговоров, критерии оценок³⁰⁴. Вопрос о методах литературной критики закономерно становится одним из больных и острых в полемике этих лет, порождает довольно большую литературу³⁰⁵.

В этой обстановке критический метод Плеханова, покоившийся на широкой и прочной философской основе, отличавшийся сосредоточенностью на действительно важных сторонах художественного творчества и определенностью критериев, сам по себе являлся существенным моментом участия критика-марксиста в литературной борьбе 80—90-х и 900-х годов.

³⁰² См., напр., Б. Садовской, О старой и новой критике. — «Весы», 1905, № 9—10, стр. 73—75.

³⁰³ См.: Г. М. Фридлиндер, Основные линии развития русской литературной критики от 90-х годов XIX века до 1917 года. — История русской критики, т. II, Изд-во АН СССР, М.—Л., 1956.

³⁰⁴ Симптомы этой болезни отмечались почти всеми участниками сборника «О критике и критиках» (Кн-во «Заря», М., 1909). См. также: П. Боборыкин, Распутье критики, сб. «Куда мы идем?», М., 1910, стр. 165—175; Л. Гуревич, Без мерил, в её кн.: «Литература и эстетика», М., 1912.

³⁰⁵ Обзор ее дан в статьях: Вл. Крачичфельд, О критике и критиках. — «Современный мир», 1911, № 8, стр. 327—342; М. Неведомский, Зигзаги нашей критики. — «Запросы жизни», № 11, стр. 679—688.